

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СОКРОВИЩА

ВАЛЬКИРИИ.

СТОЯЩИЙ У СОЛНЦА

Сокровища Валькирии

Сергей Алексеев

**Сокровища Валькирии.
Стоящий у Солнца**

«Алексеев Сергей»

1995

Алексеев С. Т.

Сокровища Валькирии. Стоящий у Солнца / С. Т. Алексеев —
«Алексеев Сергей», 1995 — (Сокровища Валькирии)

ISBN 978-5-17-047984-9

Странное оживление царит на Северном Урале. «Тарелочники» неопознанные летающие объекты опознают, «снеговики» снежного человека ловят, шведы ищут варяжское золото, а беглые ээки свою казацкую вольницу организовали. Среди следопытов оказался и бывший сотрудник сверхсекретного Института кладоискателей при Министерстве финансов СССР, профессор Русинов, работавший три года назад над проектом «Валькирия». Институт расформирован, проект заморожен, но у Русинова своя цель: он уверен, что именно там, на Урале, можно найти следы древней Северной цивилизации...

ISBN 978-5-17-047984-9

© Алексеев С. Т., 1995

© Алексеев Сергей, 1995

Содержание

1	6
2	14
3	25
4	32
5	40
6	49
7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Алексеев

Сокровища Валькирии: Стоящий у солнца

«30 июля поздним вечером полиция Эль-Харга – города на юге Египта – в мусорном баке обнаружила труп гражданина Ливии Карамчанда Зелвы, задушенного с помощью нейлоновой гитарной струны. Полиция считает...»

Он отшвырнул газету – как всегда, полиция предполагает полный абсурд... Зелву убили сразу же после исчезновения Джонована Фрича. Правда, вместе с Зелвой точно таким же способом погибли еще шесть человек в разных частях света. Но они не имели никакого отношения к делу. Это жертвы ритуала – «семиструнной гавайской гитары»... В кабинете магистрата найден любопытный прибор, приставка к радиотелефону. Каждый восемь часов он прикладывал руку к табло с индикатором, и в эфире не было никакой тревоги. И когда Фрич не вернулся в офис, через шестнадцать часов его радиотелефон автоматически связался с абонентом в Будапеште и три минуты передавал звучание гавайской гитары. А наутро газеты вышли с рекламой концерта композитора Зелвы... «Мы только что пережили гибель дочери и внука Мохандаса Ганди, только что заделали эту брешь... И вот новая пробоина! Конечно, они ждут наших ответных действий, избирают новых заложников, чтобы сыграть еще один аккорд... И, я думаю, если мы втянемся в этот оркестр – будет война... А сейчас она крайне нежелательна!»

1

Обыск в квартире Русинов обнаружил довольно поздно, изрядно натоптав в передней, зале и на кухне. За десять дней без хозяина на пол осел значительный слой пыли – осталась открытой форточка, – и всякий след на свежелакированном паркете сразу бы бросился в глаза. Однако следов почему-то не было даже в кабинете за плотно закрытой дверью. Русинов несколько раз приседал, рассматривая пыльное зеркало пола, – ни единого отпечатка. Скорее всего паркет после обыска протерли и вещи расставили точно так, как они стояли. Но все-таки допустили единственную небрежность: между стопок журналов на столе обронили маленький пакетик с двумя запасными предохранителями от какого-то японского прибора. Русинов очень хорошо знал, что есть у него в доме и чего нет и быть не может, и потому, случайно заметив эти предохранители, сразу же насторожился: он отлично помнил, как прибирал на столе перед отъездом и что никакого пакетика не видел. Значит, он появился за эти десять дней, пока Русинов был на глухаринной охоте в Вологодской области. Кто-то входил в квартиру и вносил прибор... Какой и зачем? Причем прибор был наверняка упакован, и там, в упаковке, находились запасные предохранители...

Прежде чем обследовать квартиру, он глянул на электросчетчик и сверил цифры с теми, что были записаны в расчетной книжке, – почему-то «нагорело» пять киловатт, хотя перед отъездом на охоту Русинов отключил холодильник, который мог накрутить счетчик, и заплатил за электроэнергию. Судя по всему, неведомый прибор, побывавший в его квартире, был мощный, и скорее всего это либо портативная рентгеновская установка, либо лазер...

А если так, значит, в доме был обыск.

Сначала Русинов осмотрел кабинет – книжные полки, письменный стол, подоконник, где пачками лежали научные журналы, – и обнаружил еще несколько примет: выцветшие или пожелтевшие на солнце полоски на обложках оказались спрятанными, а кое-где, напротив, торчали свежие, не тронутые светом уголки. Кто-то рылся в рукописях и материалах, лежащих в ящиках стола, и на самом столе все бумаги были тщательно разложены, может быть, чуть аккуратнее, нежели Русинов раскладывал сам. Тот, кто делал обыск, прекрасно знал характер и поведение хозяина квартиры и, конечно же, располагал информацией, куда и насколько он уехал, и потому работал неторопливо, со знанием дела. В доме побывала Служба, а не воры, и это обстоятельство еще больше встревожило Русинова. Если для негласного обыска сюда притаскивали рентгеновскую установку, значит, искали тайники, но поскольку их найти не смогли – ибо таковых в квартире не существовало, а в бумагах тоже ничего интересующего Службу не обнаружили, – то, возможно, в телефон, в репродуктор или стены вклеили «клопов» и теперь будут слушать...

Самое главное было – понять, чья это Служба и что пытается добыть. Маловероятно, что контрразведка, – Русинов никаких секретов не продавал, не разглашал и даже в будущем делать этого не собирался, – и на то, что негласный обыск проводили в целях получить какие-то улики против него, тоже не похоже. Чего ради будут собирать компромат, если он уже три года как не работает в Институте, да и самого Института больше не существует в природе, как, впрочем, и той закрытой лаборатории, которой руководил Русинов, научные же материалы частью уничтожены, а частью переданы в спецотделы Министерства финансов и Госбезопасности. Члены ликвидационной комиссии поставили свои подписи и тем самым сняли всякую дальнейшую ответственность с завлаба за судьбы всех многолетних наработок. Их могут еще больше засекретить и опустить в бронированные сейфы, а могут при нынешней безрассудной гласности вытащить на свет Божий, и все тайны скоро пожелтеют или выцветут на газетных полосах...

Русинов неторопливо разобрал рюкзак, разложив охотничьи принадлежности по своим местам, затем почистил и смазал маузер – короткоствольный карабинчик 22-го калибра, вещь на глухариной охоте незаменимую, и спрятал в сейф – теперь до осени... А сам все мысленно ходил по стопам тех, кто с такой доскональностью обследовал его квартиру, перебирал в памяти те материалы, что лежали в столе и на книжных полках, но ничего крамольного не находил. Искать могли единственное – карту «перекрестков» и божка – нефритовую обезьянку. Однако это было его собственностью, хотя и относилось к проблемам, которыми когда-то занималась русиновская лаборатория. Карту «перекрестков Путей» он создал сам и сам же открыл некоторые закономерности этих Путей, причем уже после ликвидации Института, и божок к нему попал тоже после. Да и знают об этих вещах всего два человека в мире – он, Александр Алексеевич Русинов, и бывший сотрудник лаборатории Иван Сергеевич Афанасьев...

Что, если Иван Сергеевич ненароком где-то проговорился? И Служба мгновенно заработала, стараясь выяснить, все ли секретные материалы сдал Русинов во время ликвидации Института? Не оставил ли какие материалы последней экспедиции, незарегистрированные и неучтенные? Может, кое-что нематериальное, не выраженное в письменном отчете оставил в голове? Разумеется, в голове осталось многое. Лабораторию закрыли внезапно, «на полуслове», сотрудников разогнали – кого на пенсию, кого откомандировали в распоряжение Управления кадров Министерства обороны, предварительно отобрав подписки о неразглашении. Не сдавать же голову в спецотдел вместе с бумагами! В сорок три года полковник Русинов ушел в отставку, но оставался профессором, доктором наук и считал, что голова еще сгодится, хотя его приговорили к пожизненной и довольно высокой пенсии. Правда, вне стен закрытого Института ни титулы, ни знания ему особенно негодились, поскольку Русинов образование имел медицинское, но при этом двадцать лет занимался геофизикой, археологией и философией, а докторскую защищал на кафедре социологии. Эта чудовищная гремучая смесь наук годилась, возможно, для далекого будущего, но никак не для сегодняшнего смутного дня великих перемен, дня, который замкнулся на себе и не желал думать ни о прошлом, ни о будущем. Но он, Русинов, не мог ликвидироваться «на полуслове» вместе с лабораторией и потому продолжал жить в прежнем режиме и никак не мог вписаться в суматошное «сегодня», целиком погрузившись в древность, в доледниковую эпоху, и потому имел прозвище Мамонт. Однако и прозвище его было известно лишь посвященным – тем, кто работал в Институте либо каким-то образом имел о нем представление. Он и глухариную охоту-то любил больше за то, что выпадала возможность послушать звуки пения птицы из той эпохи и как бы услышать ее голос. И разумеется, Мамонту было приятнее находиться там, в доледниковой эпохе, или уж по крайней мере на грани ее, потому что он считал эту эпоху поворотной в истории человечества на Земле. Если вместе с историей сделать поворот, то за ним можно увидеть новую историю, новый Путь, уходящий в будущее, как бесконечная лесная просека. Чтобы проверять свои аналитические конструкции и модели, чтобы в одиночку не заблудиться на многочисленных путях и перепутьях поиска истины, раз в месяц, а то и чаще, Русинов ездил к своему давнему другу и сотруднику Ивану Сергеевичу в Подольск. Ивану Сергеевичу уже было под шестьдесят, и работал он в Институте со дня основания, много чего знал и умел, считался хорошим специалистом в области геологии, картографии и астрономии, хотя имел историческое образование. Однако после ликвидации лаборатории Иван Сергеевич сразу же отошел от дел, успокоился и расслабился. Русинов стал замечать, что ветерана все больше и больше тянет на воспоминания, ностальгические разговоры о конце пятидесятых, когда Институт работал на дне будущего Цимлянского моря, и в этих воспоминаниях он кое-что пробалтывает – без злого умысла, в порыве тоски по прошлым временам. Однако же иногда вылетало у него такое, что запрещалось говорить даже своим сотрудникам: дружба дружбой, но табачок – врозь...

И теперь Русинов мог подозревать только Ивана Сергеевича: никто другой о карте «перекрестков» и о нефритовой обезьянке не знал и знать не мог. Что было еще искать у него в

квартире? Тайник у Русинова был, да только не здесь, а на даче, которая после развода принадлежала бывшей жене Татьяне. У них сохранились нормальные отношения, и Русинов часто приезжал к сыну Алеше – все лето они вели дачный образ жизни; а зимой он, бывало, забирал сына и уезжал с ним на выходные, опять же туда, на дачу, таким образом сочетая приятное с полезным. Чердачная неотапливаемая комнатка, где раньше работал Русинов, как бы оставалась в его владении, и там, среди завалов газет и журналов со всего мира, можно было спрятать все, что угодно. Труднее было с материальными предметами – нефритовой обезьянкой и капсулой с кристаллом КХ-45. Богиню-утешительницу Русинов попросту обмазал глиной, вылепил забавного медвежонка, высушил, раскрасил и слегка обжег в тигле на слабом огне. Получилась детская игрушка, которую можно поставить куда угодно вместе с другими такими же глиняными птицами, зайцами и веселыми мужичками. Капсулу с кристаллом он прятал и в мусорное ведро, и в банку с топленым салом, пока наконец не нашел подходящего места – спустил на проволоке в смотровой отводок канализационной трубы, на уровень потолка нижней квартиры.

Звонить Ивану Сергеевичу Русинов побоялся, дабы не выказывать, что он обнаружил в своей квартире произведенный негласный обыск. Он наскоро сполоснулся в душе, переделся и поехал в Подольск.

Иван Сергеевич не ждал Русинова, хотя примерно знал, когда тот вернется с охоты. Тем более что Мамонт явился на ночь глядя, без звонка, заметно утомленный дорогой. Иван Сергеевич заподозрил неладное, но виду не показал: его жена, Валентина Владимировна, после выхода мужа на пенсию очень ревностно опекала его и оберегала от бывших сослуживцев. А к Русинову относилась с особым недоверием, ибо он чаще всего приезжал с какими-то делами и беспокойством. Понять ее было можно: большую часть жизни Иван Сергеевич мотался по экспедициям, заработал букет соответствующих походным условиям болезней – от радикулита до язвы желудка, но благодаря стараниям жены за три пенсионных года заметно поправился и помолодел. Он, как и Русинов, отпустил бороду, длинные волосы и теперь напоминал сельского священника.

Пока Валентина Владимировна собирала на стол, Русинов позвал Ивана Сергеевича на улицу, в машину, чтобы вручить подарок – полмешка чаги, нарубленной специально для ветерана с вологодских берез. Иван Сергеевич подарку обрадовался, но сразу же спросил:

– Чего прилетел-то? Не чагу же привез?

– Вот что привез, – сказал Русинов и подал пакетик с предохранителями. – Нашел у себя в квартире.

Иван Сергеевич включил в кабинете свет, долго рассматривал сверкающие на ладони детали и наконец заключил:

– Это не лазер и не рентген. Скорее всего гамма-плотномер. Искали пустоту в стенах, проверяли, каким материалом они заполнены.

– Что бы это значило?

– А хрен их знает, – пожал плечами Иван Сергеевич. – Но я точно знаю: в нашей Службе безопасности такие приборы были только отечественного производства. Японских не покупали – они намного хуже. Хотя при нынешней погоне за иностранщиной все возможно. Доллары появились – купили.

– Если не купили?

– Значит, у тебя в гостях была не наша Служба, – засмеялся Иван Сергеевич. – Допустим, японская, американская, израильская и еще из ста двадцати стран мира.

– Очень хорошо! – разозлился Русинов. – Какие-то Службы шарят в моей квартире, как у себя дома! Ну все, приехали!

– Чего ты возмущаешься? – Иван Сергеевич похлопал его по плечу. – Они теперь по всей стране шарят, как у себя дома! Знаешь, Саня, а ведь подобное уже со мной было. Меня однажды тоже какая-то Служба шупала, в пятьдесят восьмом. Если тогда было можно, то теперь...

Он не договорил, прихватил мешок и пошел в квартиру. У двери вдруг успокоил, подбодрил:

– Наверняка прибалты у тебя рылись. Их Служба обнаглела вконец – людей в России ворует и к себе увозит... Впрочем, ладно, разберемся...

За столом Русинов рассказывал об охоте, о цыгане, который работает таксидермистом в областном музее и делает прекрасные чучела. Цыгану и отдан был добытый глухарь. Иван Сергеевич, не скрываясь, тосковал от этих рассказов, хотя, кроме рыбалки, ничем больше не занимался, если не считать огорода. Но между делом он о чем-то сосредоточенно думал и, похоже, только ждал, когда закончится ужин и можно будет, уединившись в кабинете, поделиться своими размышлениями. Валентине Владимировне не хотелось оставлять мужчин наедине, и она начала было уговаривать Русинова отдохнуть с дороги, но Иван Сергеевич встал из-за стола и попросил принести чай в кабинет.

– Слушай, Мамонт, – начал Иван Сергеевич, едва Русинов затворил дверь. – С нами, кажется, опять старую шутку проделали. Ну, со мной ладно... А вот с тобой – точно, и со всеми молодыми ребятами Института.

– Что за шутка?

– Ты сказал про обыск – я сразу вспомнил. – Иван Сергеевич развалился за своим столом, как начальник. – Ты же про Цимлянск слыхал? После Цимлянска нас тоже разгоняли...

– Хочешь сказать, Институт не закрывали? – насторожился Русинов.

– Я пока ничего не могу сказать, – уклонился ветеран. – Но зато очень хорошо помню события после Цимлянска. И обыск у меня был, правда, без аппаратуры, но стены простукивали... Цимлянск, Мамонт, у меня всю жизнь из головы не выходит!

Это была старая и странная история, ставшая достоянием ушей всего Института лишь в начале восьмидесятых. Причем рассказывали ее уже почти безбоязненно те, кто уходил на пенсию и знал, что уже никак не пострадает. В пятьдесят восьмом году сухопутный отдел «Юго-Восток» работал на дне будущего Цимлянского водохранилища. Гражданские археологи из университета большим скопом раскапывали город Саркел, а профессиональные «гробокopatели», как в шутку называли сами себя сотрудники Института, ползали по степи и искали хазарские захоронения. Одна такая могила тогда потрясла воображение руководства: было извлечено около двухсот килограммов золота в слитках и серебро в изделиях – тончайшей работы индийские сосуды. Отдел усилили людьми и техникой из других отделов и начали крупномасштабный поиск. Скоро обнаружили еще одну могилу, где ценностей было примерно столько же. В степь пригнали батальон внутренней охраны, пустили патрули на машинах, на дорогах установили контрольно-пропускные посты – все якобы потому, что началась эпизоотия – ящур. После того как нашли третью и четвертую могилы, возникла оригинальная гипотеза, в разработке которой принимал участие и Иван Сергеевич, младший научный сотрудник. Хазария два с половиной столетия держала все торговые пути в Индию и Переднюю Азию, откуда в то время на Русь и в Европу поступали золото, алмазы, бриллианты. Оседлав три мощные реки, три берега трех морей, Хазария брала огромные налоги с купцов и, конечно же, занималась обыкновенным разбоем и грабежом на этих путях. Эдакое государство-таможня, государство-пират. Князь Святослав разгромил Хазарию, но ни в летописях, ни в арабских источниках не слыхать было о сокровищах хазар, по многим соображениям, несметных. Ничего не досталось и гузам – диким племенам, которые после Святослава в поисках добычи сожгли и разорили все, что горело и разрушалось. Они пытались раскапывать древние курганы, могилы. Но отмеченные какими-либо надгробными знаками захоронения были бедными. После гузов в степи рылись все, кому не лень, на протяжении многих веков.

Последним из пришедших «гробокопателей» был Гитлер. Специальные команды начинали работать в степи, еще не обезвредив дороги от мин, не убрав трупы после боев. У немцев существовала оригинальная версия, основанная на глубоком знании каббалы, согласно которой утверждалось, что все сокровища Хазарии – в могилах белых хазар-иудеев, которых хоронили далеко в степи в тайных местах, не оставляя никаких знаков на земле. И, напротив, из могил черных, третьесортных хазар создавали своеобразную, отвлекающую приманку в виде памятных камней, курганов и склепов. Их-то во все века и разрывали незадачливые кладоискатели. Однако еще и Святославу было известно, что золото Хазарии хранится в могилах, ничем не отмеченных, и что могилы эти не просто в беспорядке разбросаны по степи, а имеют ориентацию и форму. Вокруг Хазарии существовал золотой бережный знак в виде каббалистической Змеи, державшей себя за хвост. Видимо, Святослав не очень нуждался в сокровищах, иная задача беспокоила его – прорваться сквозь этот знак, уничтожить сакральные центры паразитирующего государства, поразить и обездвижить Змею. И он блестяще ее выполнил, ударив не по столице – Итилаю, а совершив неясный для непосвященных, гигантский круг-поход по границам Хазарского каганата, и мощное государство мгновенно развалилось в прах. Похоже, немцы хорошо все это проработали, но у них не хватило времени, чтобы отыскать хотя бы одну могилу белого хазара и, привязавшись к ней, вспороть брюхо золотой Змеи.

Версия Института целиком основывалась на немецкой гипотезе, и когда после открытия чертовой могилы произвели расчеты, используя каббалистические системы чисел, наконец подобрали ключ к хранилищу хазарских сокровищ. У сотрудников Института глаза на лоб лезли, когда геодезист делал промеры и давал точку, где копать. Верили и не верили: недавние расчеты напоминали игру, разгадывание ребусов. Но каждая вскрытая могила тысячелетней давности приводила в шок золотыми слитками, изделиями, драгоценными камнями.

И вдруг пришел приказ – немедленно прекратить все работы и выехать в Москву. Это в середине лета, в разгар сезона! Все материалы и расчеты изъяли. Институт практически расформировали, оставив единственный отдел – морской. Объясняли такие действия очень просто: мол, хазарское золото – стратегический запас, спрятанный надежнее, чем во всяком банке, и его следует беречь на самый черный день. Иван Сергеевич тогда получил свой орден и несколько лет плывал по Черному морю на небольшом, неприметном буксире с водолазным оборудованием и батискафом. Спустя несколько лет он случайно узнал от знакомого археолога, который был на раскопках Саркела, что после их отъезда охрану в степи усилили, перекрыли некоторые дороги и до января какая-то бригада мелиораторов рыла экскаватором шурфы. Причем мелиораторы работали день и ночь. И однажды этот археолог, стреляный воробей, будто бы заблудившись в степи на машине, проехал по следам странных раскопок и убедился, что древние захоронения продолжают раскапывать, причем очень грубо, наспех, будто выполняют план по количеству. Цепочка свежезарытых ям давно уже вышла за пределы ложа водохранилища и уходила куда-то в степь. Археолог, похоже, рисковал, ибо был задержан, долго объяснялся, почему оказался в запретной зоне, и был выпущен после того, как отобрали подписку о неразглашении. Он не знал, что может разгласить, и потому по знакомству пытался выяснить у Ивана Сергеевича, что же копали в степи и кто копал?

Это было новостью для самого Ивана Сергеевича, и сколько бы он ни пытался узнать через своих людей судьбу хазарских могил, никто ничего толком не объяснял. Пока однажды он не встретился и не сдружился с бывшим начальником Третьего отдела Министерства финансов СССР. Вместе лечили радикулит в крымском санатории. Через его руки проходили все золото и серебро, алмазы и драгоценные камни, поступавшие в государственную казну. Он прекрасно помнил золотые слитки-лепехи, которые сдавал Институт после раскопок на дне будущего водохранилища: золото было редкое, необычное. Однако его было немного, и после расформирования Института, естественно, не поступило больше ни грамма. Иван Сергеевич тогда сильно озадачил бывшего начальника, и старый чекист отправился выяснять судьбу хазарского

золота. Неизвестно, что ему удалось узнать, потому что при последней встрече он посоветовал Ивану Сергеевичу не соваться в это дело и дружбы больше не поддерживал. А скоро вообще оказался в кремлевской больнице и потом – на Ваганьковском кладбище.

Похоже, золотая Змея выпустила из своих зубов хвост и уползла прочь.

Институт потом заново воссоздали, одного за другим вернули специалистов. Но странное дело, начался какой-то молчаливый, без сговора, и длительный по времени саботаж. Обжегшись на цимлянском случае, сотрудники вроде бы и работали рьяно, находили оригинальные решения проблем, упражнялись в лозоходстве, но уже больше никогда не давали таких результатов, какие были в Цимлянске. И золото Российской империи, вывезенное Колчаком, продолжало лежать где-то в Сибири. Не поддавались розыску клады царицы чулымских татар. И сокровища варягов, над поиском которых работал Русинов, тоже оставались в земле или на дне озер.

– С Цимлянском они интересную шутку прокрутили, – повторил Иван Сергеевич. – Концов теперь не найти, люди поумирали, а в архивах, даже в самых закрытых, ничего не найдешь. Иной раз я сам думаю – а было ли все это? Не приснилось ли?..

– Но какой смысл им проделывать сейчас с Институтом то же самое? – спросил Русинов, рассуждая. – Мы ничего особенного не нашли, а гипотезы, разработки по «Валькирии» ничем не подкрепляются...

– Как – ничем? – хитровато ухмыльнулся Иван Сергеевич. – А нефритовая обезьянка?

– Она же у нас... И карта «перекрестков» у нас!

– Потому у тебя в квартире и рылись!

– Утечки информации не может быть, – уверенно заявил Русинов. – Во сне я не разговариваю...

– Погоди, Мамонт. – Иван Сергеевич включил телевизор, прибавил звук и затемнил экран, чтобы не рябило в глазах. – Береженого Бог бережет... Ты знаешь, где сейчас Савельев? Я его недавно видел.

– Не имею представления, – проговорил Русинов. Старший научный сотрудник Савельев работал в «Северо-Западном» отделе, в секторе космических исследований суши, занимался гравиметрией и был мало знаком Русинову.

– Вот, не имеешь, – назидательно сказал Иван Сергеевич. – А я имею представление. Он в какой-то коммерческой структуре, причем фирма, как я понял, совместная со шведской. Спрашиваю: а чем занимаешься? Торгуешь? Савельев – дурак, потому даже обиделся. Говорит: чем занимался, тем и занимаюсь. На лацкане у него вот такая блямба висит, фирменный знак. Я сначала внимания не обратил. Ну, полуобнаженная красotka с мечом... А потом читаю: «Валькирия»!

– Ну, это совпадение, – отмахнулся Русинов. – Савельев к «Валькирии» отношения не имел.

– Не имел. А если теперь имеет? Материалы-то мы сдали! А кто ими теперь воспользуется?

– Не станут же их продавать!

– Может, не продавать, – предположил Иван Сергеевич, – а как бы на новой экономической основе создать закрытое предприятие. Шведы денежки вкладывают – наши работают. Барыш – пополам.

– Если так, то это хрен знает что! – возмутился Русинов и вскочил. – Ладно еще нефть качать! Но открывать за сиюминутные выгоды такие секреты, за какие-то копейки отдавать национальные тайны тысячелетий!.. Не знаю!

– Не шуми, Мамонт, не сотрясай воздух, – успокоил Иван Сергеевич. – Мы же не знаем, откуда были мелиораторы в Цимлянске. Если были, значит, доказали свое право на хазарское золото. А почему бы, к примеру, шведским «мелиораторам» не поискать золота ариев?.. Мы

много не знаем в этой жизни, Саня. И вряд ли когда узнаем. Есть государства, цари и президенты, есть границы, территории и национальные секреты. Но есть еще кое-что, существующее над всеми этими занавесками. Если через «железный занавес» пробираются... «мелиораторы», то уж под теперешнюю короткую юбочку занырнуть – раз плюнуть.

– Ты меня расстроил, Иван Сергеевич, – вздохнул Русинов. – Вернее, добил. Я ехал из Вологды с таким настроением!.. А как бы поколоть Савельева? Кто из наших с ним дружил?

– Из наших – никто, – сказал Иван Сергеевич. – Да и сдался тебе Савельев! Только внимание привлечешь... Пусть они упражняются с нашими гипотезами, роют материалы. Знаешь, что мне в радость? То, что мы тогда схалтурили на Северном Урале.

– Схалтурили? Первый раз слышу!

Иван Сергеевич засмеялся, прибавил звук у телевизора.

– Это потому, что ты все-таки больше медик и философ, чем технарь и геофизик. И потому, что ты не прошел через Цимлянск... Вся электроразведка перевернута вверх ногами, понял? Это как слайд: можно так показать, нормально, а можно наоборот. Все то же самое, но!.. Просто и со вкусом. Захочу я получить правильное изображение – пересчитаю и получу. Если бы ты прикопался тогда к результатам, я бы тебе выдал верные. Но ты же не прикопался, поверил. Значит, и Савельев поверит, и шведы. Так что их «Валькирия» сейчас стоит вверх ногами. Эх, Мамонт, знал бы ты, сколько мы похалтурили на «Колчаке» в Сибири. Черт ногу сломит! Каббала, брат, штука заразительная. С нее мы и научились манипулировать числами. Иначе бы все клады, все загадки давно бы вытряхнули из России. И стало бы жить совсем тоскливо...

– Ну ты и вредитель, Иван Сергеевич! – засмеялся Русинов. – Тебя бы в тридцатых сразу бы шлепнули или в ГУЛАГ упрятали!

– Меня бы и сейчас могли очень просто упрятать, – согласился тот. – И не меня одного... Нас спасало то, что руководили Институтом не специалисты, а варяги. Ты вот всегда злился, когда директора нового присылали откуда-нибудь из штаба, а я этим наказным атаманам радовался. И откровенно сказать, раньше побаивался твоего рвения. Ты за «Валькирию» уцепился, как будто она живая. Ну, думаю, наворотит по молодости. Хорошо, что Институт разогнали и ты эти свои «перекрестки» нарисовал дома. Хотя там тоже липа, но идея-то мощная!

– И там липа? – уже возмутился Русинов. – Не может быть! Я сам проверял все расчеты!

– А кто тебе координаты давал? – веселился Иван Сергеевич. – Кто топографию делал? Ты же на мою основу «перекрестки» наносил? Иди теперь на местность и поищи эти точки.

– Ох ты и гад! – восхитился Русинов. – Такого змея за пазухой грел! Ты мне дай эти поправки-то! Свои халтурные заморочки!

– Дам, – согласился Иван Сергеевич. – И научу, как просто все пересчитать... Только ты на карту ничего не наноси. В голове держи. Надо – посчитаешь.

Русинов походил по кабинету, восхищенно помотал головой:

– Ну уж обезьянка-то без халтуры! Ты к ней руку не прикладывал!

– Это верно, без халтуры, – подтвердил серьезно Иван Сергеевич. – Потому береги ее и сам берегись. Если и была какая-то утечка информации, то только через ребят, которые делали анализ. Потому им надо срочно запустить липу, и не одну. Может, кого и собьем с толку. Подсунем на анализ какой-нибудь материал с «Юга» и «Востока», пусть голову ломают. И идею «перекрестков» береги. Ты в десятку с ней попал. И те, кто делал у тебя обыск, это нюхом чуют. И тут бы придумать липу, какую-нибудь полуправду. Но только очень осторожно. Раскусят идею – ничего не спасет. А мозги они за деньги нынче могут купить. Причем какого-нибудь юнца с легким прибабахом. Но могут и тебя пригласить. Так что готовься. Шведские денежки нужно проедать с успехом, но желательно без результатов.

– Я к Савельеву не пойду, – заявил Русинов. – У меня теперь своих забот хватит.

– Поедешь «дикарем»?

– Конечно, поеду! И особенно сейчас, когда такой расклад. – Русинов помедлил. – А ты со мной поедешь? Или...

– Или, Мамонт, или, – вздохнул Иван Сергеевич. – И не потому, что живу поднадзорным... Придется твой тыл прикрывать. Ты сам поползай по горам, по островам, а я с ними тут поиграю в кошки-мышки. По правде сказать, люблю я это дело... Ты мне ключи от квартиры оставь. Если что, я через нее «мелиораторам» стану помогать.

– Давай махнемся машинами? – вдруг предложил Русинов. – Мне твой «УАЗ» как раз будет по тем дорогам.

– А тебе своей «Волги» не жалко? – усмехнулся Иван Сергеевич. – Я ведь шофера аховый, полгода как за рулем.

– Мне жалко, что ты не поедешь со мной, – серьезно сказал Русинов. – Когда я один хожу по земле, почему-то все время тянет оглянуться...

2

Проект «Валькирия» родился в недрах Института еще в 1975 году и не имел тогда сколь-нибудь обнадеживающего значения. Подобных проектов возникало и умирало много, поскольку таким образом отрабатывались интересные версии, оригинальные предположения или вообще чьи-то фантазии. Правда, «Валькирия» имела под собой довольно весомую, но не совсем надежную опору – полубезумного, странного человека, который не имел ни фамилии, ни отчества, не знал, где родился и когда, но называл себя Авега – то ли прозвище, то ли имя, то ли какой-то бредовый титул. Его задержали за бродяжничество в Таганроге и, поскольку он не имел никаких документов, поместили в спецприемник для выяснения личности. На вид ему тогда было лет пятьдесят, хотя седые волосы и борода старили его и

как бы растворяли настоящий возраст. Авега ростом был высокий, чуть ли не под два метра, ходил прямо, и если бы не обветшавшая одежда, ни один бы милиционер не посмел спросить у него документы.

В спецприемнике этот человек вел себя странно, называл лишь свое имя, причем с каким-то ненормальным для бродяги пафосом:

– Я – Авега! Ура!

У него сразу заподозрили отклонения в психике, и милицейский врач поставил диагноз: шизофрения с развитой манией величия. Однако на всякий случай нарисовал вопросительный знак, который для милиции означал, что пациент, возможно, прикидывается сумасшедшим и есть причины досконально его проверить, не преступник ли и не значится ли в розыске. Авегу фотографировали анфас и в профиль, с бородой и без бороды, брали у него отпечатки пальцев рук и даже ног, составляли подробный словесный портрет и все это прокручивали через картотеки МВД, но ответы приходили отрицательные: этот человек ни в розыске, ни в подозреваемых по какому-либо преступлению не значился. Пошли даже на хитрость – выпустили плакат с его разными портретами «Найти человека» – в надежде, что кто-нибудь опознает Авегу и сообщит, кто это на самом деле. В течение полугода этот плакат висел по всему Союзу, и никто не откликнулся. При обыске у него обнаружили мешочек сухарей, немного крупной серой соли и деревянную ложку со странным устройством на ручке в виде бельевой прищепки. Хлебу и соли не придали значения, однако про ложку спрашивали очень настойчиво, но Авега объяснял, что это штучковина на ручке служит для того, чтобы во время еды не пачкать усов, приподнимая их нажатием «прищепки». Это лишний раз доказывало его невменяемость, однако милицейские начальники на всякий случай посадили его в камеру к платному агенту-камернику для оперативной разработки. При всей внешней скрытности, при всем пафосе в отношении к собственным имени и личности Авега один на один с агентом вдруг проявил доверчивость и сообщил, что он знает все дороги мира и теперь идет на реку Ганг по заданию то ли какой-то организации, то ли религиозной общины. Конечно, для нормального человека это был полный абсурд, но обстоятельство, что река Ганг протекает в Индии, за границей, все-таки насторожило начальство спецприемника, и Авегу с удовольствием передали в местный КГБ.

Там за странного бродягу, «косящего» под сумасшедшего, взялись основательно и умело. Во-первых, толковый врач определил его примерный возраст: девяносто пять – сто лет. Кроме того, после медицинского обследования установили, что все внутренние органы по степени жизненной силы едва тянут на половину его реального возраста, хотя все суставы поражены отложением солей. Вместе с тем выяснилось, что черепная кость у этого человека невероятной толщины – до двух с половиной сантиметров, а лобная – до трех! Такой головой можно было прошибать стены. Врачей поражали острота его зрения, великолепный слух и тончайшее обоняние, которое редко бывает даже у профессиональных «нюхачей» – дегустаторов парфюмерии. Впрочем, нюх у таганрогского КГБ был не хуже, и все феноменальные качества Авеги

отнесли к его особой подготовленности, а значит, и к какой-то особой миссии, которую он выполнял, направляясь в Индию. Сам Авега по-прежнему отвечал, что ничего из своего прошлого не помнит и знает лишь единственное – куда идет. Его не относили к шпионам, но подозревали, что он принадлежит к некоей глубоко законспирированной религиозной секте, и пытались теперь самыми разными способами вытянуть информацию. Авега же не жаловался, не делал никаких заявлений и единственный раз обратился с просьбой, чтобы ему вернули деревянную ложку с приспособлением, дабы во время еды не пачкать усов. Эту ложку досконально исследовали, искали аналоги в мировой практике и, к удивлению, обнаружили подобное изобретение в Англии. Тут же возникла новая версия, ориентированная на всевозможные секты Великобритании, однако и эта нить ни к чему не привела.

Наконец в Таганрог из Москвы выехал специалист по самым уникальным сектам и несколько недель работал с Авегой, стараясь косвенным путем вытянуть хотя бы географическую информацию о постоянном местопребывании загадочного сектанта. После скрупулезных, ненастойчивых расспросов и уловок удалось узнать, что Авега жил длительное время в какой-то пещере либо шахте, имеющей единственный выход на поверхность, а затем в деревянном доме в некоей долине, окруженной не очень высокими горами и, как ни странно, водой, но при этом отрицал, что жил на острове. Он великолепно знал крестьянский труд, по-видимому, очень любил леса, рыбную ловлю, ел всякую пищу, предпочитая растительную, и абсолютно не употреблял соли. Специалиста из Москвы этот факт заинтересовал, тем более в протоколе задержания значилось, что у Авеги была с собой сумочка с крупной серой солью весом около трехсот граммов. Однако соль затерялась еще где-то в спецприемнике, поскольку на нее не обратили внимания и скорее всего ее выбросили. Тщательные поиски ни к чему не привели. Еще в Таганроге к нему применили несколько сеансов гипноза, дабы расслабить психику, и Авега с удовольствием засыпал и даже улыбался во сне, однако становился глухонемым и ни на какие вопросы не отвечал, на голос гипнотизера не реагировал. За исключением единственного: когда спрашивали имя, Авега мгновенно просыпался и провозглашал:

– Я – Авега! Ура!

Скорее всего в конечном счете его отправили бы либо в психлечебницу, либо в дом престарелых, если бы московскому специалисту неожиданно не удалось подсмотреть сквозь специальный окуляр, установленный в стене камеры, как Авега встречал солнце. Окно в камере полуподвального этажа было забрано решеткой и выходило во внутренний колодцеобразный двор в северо-восточном направлении, и потому солнце появлялось над крышей здания лишь к одиннадцати часам дня. Так вот, Авега вставал лишь в десять – для него это был восход, тщательно умывался, расчесывал волосы и бороду, в чем ощущалась некая ритуальность, затем становился к окну в позу, которая могла означать ожидание радости и торжества. Он напоминал стоящую на задних лапах собаку, ждущую от хозяина лакомства. Когда же первые лучи вырывались из-за крыши здания, Авега скидывал руки, до этого висевшие безвольно, на уровень плеч и восклицал:

– Здравствуй, тресветлый! Ура!

Специалисту из Москвы все стало ясно: этот странный моложавый старец был солнцепклонник. Подобные секты кое-где еще существовали на земле – в Африке, Малайзии, Индии, но каких-либо сведений о том, что они есть в СССР, не имелось. С Авегой был проведен опыт, когда его после долгого блуждания по коридорам в полной темноте поместили в камеру без окон и электрического света. Около десяти утра он встал, смело и очень уверенно умылся в полном мраке – наблюдали за ним в прибор ночного видения, – затем расчесался и в положенное время точно встал лицом к солнцу и, едва лучи скользнули над крышей, благоговейно произнес:

– Здравствуй, тресветлый! Ура!

И более ни слова. При этом интонация была такая, будто он не приветствовал солнце, не молился ему, а лишь желал здравствовать.

Дальнейшие опыты можно было проводить только в столице, и поэтому Авегу переправили в Москву, где поместили в специальном блоке при психиатрической больнице, хотя он по-прежнему оставался в ведении Госбезопасности. Здесь ему создали нормальные жизненные условия и даже вернули деревянную ложку, которой он очень обрадовался. Московских специалистов сразу же поразили манера держаться и то невероятное спокойствие, с каким он переносил неволю. У него была выдержка абсолютно уверенного в себе человека; его ничем невозможно было смутить либо повергнуть в недоумение: он ничему не удивлялся, не раздражался, не проявлял резких чувств обиды, любви, ненависти. В нем одновременно как бы жили и находились в идеальном равновесии все человеческие чувства. Невиданный самоконтроль напрочь отвергал всякие подозрения психического заболевания. После нового обследования на самом высоком уровне его физического здоровья приступили к выяснению его умственных и интеллектуальных способностей. И тут обнаружилось, что его беспамятство неожиданным образом сочетается с необыкновенной подвижностью ума и стройностью логики. Авега оставался неразговорчивым, и потому тестирование начали с показа ему репродукций известных картин. Делалось все это осторожно, невзначай, скрытым наблюдением, и психологи мгновенно отмечали, какие полотна он видел раньше и какие видит впервые. Получалось так, что Авеге известна почти вся классическая живопись! Но картины художников, созданные с начала двадцатых годов, он никогда не видел и рассматривал с особым интересом. Когда у него в палате «случайно» оказалась книга по живописи и скульптуре периода гитлеровской Германии, выпущенная в ФРГ, Авега проявил к некоторым полотнам и монументам неожиданно живое любопытство, чего раньше не замечалось, и даже попробовал читать по-немецки, но молча, глазами. И после этого наблюдения отметили необычное для пациента состояние размышлений. Обычно Авега, будучи в одиночестве, мог часами спать или лежать в расслабленной позе с остановившимся, «остекленевшим» взглядом, а потом тихо уснуть, как только зайдет солнце. Тут же он отложил книгу, достал расческу и вдруг среди бела дня ни с того ни с сего стал расчесывать волосы и бороду. Делал это плавными движениями, аккуратно, словно прикосновения к волосам у него вызывали боль.

Для психологов это состояние уже было на отметке «тепло», но чтобы стало «горячо», требовалось найти новый, более мощный возбудитель. Дело это было экспериментальное, творческое, и специалисты ломали головы в поисках средства, способного потрясти сознание подопытного, что бы, по расчетам, привело к раскрытию феномена. Авеге подсовывали альбомы Босха, иконы, картины с изображением Страшного суда и мирные пейзажи, космические фотографии Земли и обратной стороны Луны, – его тонус упал, и стало «холодно». Удалось на какое-то время зажечь любопытство, показывая пациенту монументальное искусство сороковых и пятидесятых годов. Авега будто бы вновь задумался, как бы проводя параллель с искусством фашистской Германии, и скоро вновь охладел.

В то время Русинов работал врачом в отделении неврозов и даже не подозревал, что в этом же здании, в закрытом боксе, находится столь интересный пациент. И так бы никогда не узнал, если бы не был объявлен полусерьезный тест-конкурс: найти логические связи и психологическое продолжение изобразительного искусства Германии и СССР периода сороковых годов в современном искусстве, которые были бы прямо противоположны по форме и значению, но вбирали бы в себя гипертрофированную силу внутреннего воздействия на воображение человека. Тестировали таким образом молодых врачей и одновременно убивали второго зайца – искали ключ к сознанию Авеги. И вот тогда Русинов очень скромно принес недавно вышедший в свет набор открыток – картины Константина Васильева. На открытки не обратили внимания, приз получил совсем другой молодой специалист, представивший альбом с

картинами Марка Шагала и блестяще доказавший предлагаемую теорему. Однако открытки – полотна малоизвестного тогда художника Васильева – все-таки попали в палату Авеги.

Авега был потрясен. Но еще больше – доктора, наблюдавшие реакцию пациента. У спокойного, титанически выдержанного человека вдруг затряслись руки. Он стал озираясь, просматривая открытки, изредка выкрикивал неразборчивые слова, которые удалось понять, лишь когда дешифровали магнитофонную запись. Однако произносил несколько раз и совершенно отчетливо:

– Валькирия! Валькирия!..

Из малопонятных слов выделялись лишь вопросы:

– Кто?.. Почему?.. Кто такой?.. Невозможно!

И тут за год неволи Авега впервые обратился с просьбой оставить ему открытки, что и сделали с великим удовольствием. А Русинова неожиданно пригласили к руководству клиники и предложили новую работу в спецотделении. Так он впервые увидел Авегу, но тогда еще не знал, что судьба свяжет его с этим странным человеком на много лет.

Авега стал задавать вопросы, на которые следовало отвечать, и на контакт с ним решено было направить молодого, еще неопытного врача Александра Русинова как раз из-за этого своего качества и, по сути, сделать из него еще одного пациента. Сначала Русинов лишь приносил ему еду и витамины, привыкал сам и приучал к себе Авегу. Потом стал оставаться в палате на пять, десять, двадцать минут и так постепенно стал входить в доверие. Конечно, доверие это было относительным, ибо Авега на вопросы не отвечал, но зато очень внимательно слушал ответы на свои вопросы, заданные им, когда он впервые увидел картины Константина Васильева. И потому, когда Русинов рассказывал ему о художнике, пациент вдохновлялся и волновался одновременно. Раза два он возбужденно вскакивал, ходил какой-то натянутой, ходульной походкой, враз потеряв свою величественность, и однажды в каком-то азарте выкрикнул:

– Завидую!

Над этим словом-страстью долго бились, пытаясь понять, чему и почему он завидует. И решили, что Авега, возможно, когда-нибудь занимался (как ни странно!) живописью и у него вдруг проснулась творческая зависть, наподобие той, что была у Сальери к Моцарту. Открытки Авега расставил на столе, как иконы, и подолгу, особенно когда оставался один, смотрел на них и произносил слово «Валькирия». Русинову поручили выяснить хотя бы примерно его род занятий в прошлом и даже составили хитроумный вопросник, основанный на творчестве Васильева. Но тут случилось непредвиденное. Утром Русинов застал Авегу в подавленном состоянии – и это тоже было неожиданностью. Он только что «встретил солнце» перед окном, причем с открыткой-автопортретом художника в руках, однако был безрадостным и даже скорбным.

– Не успел, – вдруг сказал он. – Как жаль! Вчерашний день – последний день...

– Что ты не успел? – машинально спросил Русинов.

– Я слепну, – признался Авега. – И пути не вижу под ногами. Авеги больше нет! А он ушел вчера... Завидую!

– Кто ушел? Куда? – примирительно спросил Русинов, внутренне напрягаясь.

Авега показал автопортрет Васильева:

– Ушел в последний путь... Я мог его увидеть! Да не успел, слепец...

– Он жив! – заверил Русинов. – Если хочешь увидеть, я разыщу его и приглашу к тебе.

Пациент ослаб, помотал головой и замкнулся не только на этот день, а на несколько месяцев, словно в одиночестве растратил все накопленные слова. Этот короткий и осмысленный диалог был самым долгим за все пребывание Авеги в неволе.

В тот же день Русинов сел на телефон и через Союз художников стал выяснять адрес Константина Васильева. И услышал невероятное: полюбившийся Авеге художник погиб вчера вечером.

На консилиуме решено было временно оставить скорбящего Авегу в покое и за это время разработать план и подготовиться к дальнейшим действиям. Его прорицание смерти, а точнее, знание об этой смерти без всякой информации извне заставляло искать совершенно новое к нему отношение. Русинов же отправился к Васильеву на квартиру, однако на похороны не успел, зато смог посмотреть все его полотна, к счастью, хранящиеся дома. Он переписал названия картин и засел в библиотеке, чтобы добыть исчерпывающую информацию обо всех образах, легендах и загадочных фигурах, изображенных на полотнах Васильева. От картин, основанных на древнерусском и арийском эпосах и легендах, он пришел к ведической индийской литературе и, коснувшись санскритского языка, вдруг ощутил, что ему самому стало «горячо». Он понял, что близок к какому-то открытию, связанному с личностью Авеги, однако подчинялся лишь интуиции – знаний катастрофически не хватало. Тогда он отправился на кафедру индийской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, где познакомился с преподавателем Кочергиной, очень приятной и простой женщиной. Они сначала вместе посидели над открытками – картинами Васильева, и Кочергина как-то очень доходчиво и элементарно разложила ему значение всех образов и символов и сама при этом удивилась, насколько глубоко, точно и неожиданно ярко художник чувствовал свое древнее прошлое. Русинов тогда еще не давал никаких подписок, поэтому откровенно рассказал все о своем пациенте.

– Авега? – переспросила Кочергина. – Какое интересное имя! Вернее, не имя – а рок, назначение!

И рассказала, что «Авега» с санскрита переводится как «знающий движение», «знающий путь или дорогу». И тут же объяснила, что в русских словах «га» означает движение – нога, телега, дорога, Волга, Онега, Ладога – и что на первый взгляд таинственный и мудрый язык древних ариев очень прост и доходчив для всякого русского, познавшего глубину своего языка от рождения, что, привыкнув к нему, можно на слух понимать, о чем говорят жители Северной Индии, и что знаменитый тверской купец Афанасий Никитин, не имея никакой подготовки, заговорил по-индийски, и что ходил он туда не лошадь свою продавать, а выполняя какую-то загадочную миссию – иначе бы его не пустили в главную святыню – храм Парват.

Умышленно или нет, но она наводила его на мысль, от которой Русинову становилось не по себе, она намекала на некую параллельность действия и назначения средневекового купца и непонятного, бог весть откуда возникшего человека по имени Авега. С летописным путешественником все казалось ясным и относилось к истории, но когда перед тобой живой человек, зачем-то намеревающийся идти на реку Ганг, – будто для него не существует ни огромного расстояния, ни государственных границ и прочих барьеров, – то в душе возникает ощущение какой-то ирреальности происходящего. Русинов хорошо знал байку, что врачи-психиатры, поработав долгое время с больными, сами постепенно становятся шизофрениками, однако молодой специалист слишком мало еще работал в клинике, чтобы «заразиться» от пациентов. Тем более он родом был «от земли», из вятской деревни, со здоровой, «мужицкой» психикой и очень твердо знал, что душевные болезни ему не грозят. Но как бы то ни было, все факты упорно подводили Русинова к единственному выводу: случайно задержанный бродяга (опять – «га»!) шел с какой-то определенной миссией, не поддающейся нормальному современному разуму и образу мышления.

Расставаясь с Кочергиной, он вспомнил о какой-то зависти, которую высказал Авега в связи с художником. Совершенно не надеясь на определенный результат, на всякий случай он рассказал и об этом. Кочергина попросила в точности передать диалог и неожиданно просто объяснила, что Авега вовсе не завидовал Васильеву, а давал ему имя или определял его социальный статус, ибо «завидую» переводится как «наделенный знаниями», «ученый», «посвященный в тайны вед». Это окончательно привело Русинова в замешательство: за «знаниями» Авеги стояло нечто непознанное, но, увы, существующее в природе.

– Приходите ко мне учиться, – вдруг посоветовала Кочергина. – И станете смотреть на мир совершенно другими глазами.

Ошарашенный, он тогда не сказал ни да ни нет и обещал позвонить. Записывая его телефон и фамилию, она улыбнулась и вбила последний гвоздь в растерзанное сознание психиатра:

– Русинов... «Русый» с арийского языка переводится «светлый». Теперь подумайте, как перевести «Русь», «русский»... Ну ладно, я пошутила! – засмеялась она. – Не ломайте себе голову. Тема эта – неведомая современному человеку – бездна. Чуть ступите ногой – и уйдете туда навсегда, с головой. И не видать вам покоя до самой смерти.

И тут Русинов вдруг уловил непонятное, едва ощутимое сходство между преподавателем санскрита и Авегой: оба они будто бы куда-то ушли с головой и существовали в этом мире лишь формально, одной телесной оболочкой. Один меньше, другой больше, но это не меняло смысла...

После такой «подготовки» Русинов смотрел на Авегу другими глазами. Каждое его слово теперь казалось наполненным каким-то особым, символическим смыслом. Он как бы стал наконец понимать язык этого человека, но до понимания его образа мышления и мироощущения было непостижимо далеко, как если бы встретились два человека из разных эпох либо абсолютно противоположных цивилизаций.

Работа уже настолько захватила Русинова, что он думал об Авеге днем и ночью, методично продвигаясь по линии возбуждения сознания пациента. Как только пришел анализ волос, ногтей и костной ткани зубов Авеги и подтвердился косвенный факт его длительной, возможно, постоянной жизни на Севере, в условиях малой солнечной активности, бедной фтором воды и резко континентального климата, и кроме того, долгой жизни в слабоосвещенном помещении, насыщенном ионизированными солями воздухом, о чем говорили суставы и соскобы с бронхиальных путей, Русинов уже самостоятельно начал отрабатывать «северную» версию. Он предложил неожиданный и решительный шаг – поехать с Авегой в путешествие по Северу через Архангельск, Печору и через всю Пермскую область. По расчетам, он сам должен был прямо или косвенно указать на место своего пребывания. А там уже – дело техники...

Русинов получил согласие руководства, однако на предложение попутешествовать по родным местам Авега ответил категорическим отказом.

– Обратного пути нет! – отчего-то разволновался он. – Мне определено идти на реку Ганга.

– Кем определено? – доверительно спросил Русинов.

– Роком... Я – Авега! Даже если совсем ослепну – пойду слепой. – Он вытащил расческу и принялся расчесывать свои длинные волосы. – Скоро закроется дорога! И мне снова придется ждать восемь лет, а Валькирия не впустит в свои чертоги, не обнажит передо мной своей прекрасной головы, не покажет чудных волос...

– Кто она – Валькирия? – воспользовавшись печальной паузой, спросил Русинов.

– Валькирия, вот. – Он показал открытку с картиной Васильева «Валькирия над сраженным воином». – Или вот! Посмотри, как она прекрасна! Видишь, светит мечом!

Авега поднес ему другую открытку, где была изображена русоволосая дева (иначе сказать невозможно!) со свечой в заиндевелом зимнем окне. Картина называлась «Ожидание».

– Я уже был изгоем, – вдруг признался Авега. – И больше не хочу. И потому повинуюсь року – пусть уносит вода. Мне сейчас хорошо.

– А если тебя отпустят, ты пойдешь на реку Ганг?

В глазах Авеги не появилось ни надежды, ни проблеска радости. Он снова стал спокоен, как сфинкс.

– Повинуюсь року.

– Но ты можешь пробыть в этих стенах до самой смерти! – взорвался Русинов, чего делать не следовало. – Ты же – Авега! Ты знаешь пути! А это все умрет вместе с тобой, и ты не выполнишь своего предназначения.

Авега неожиданно улыбнулся, по-детски показывая белые молодые зубы.

– Нет лучшей доли для Авеги – умереть в пути! Карна изберет меня, и обнажит голову, и осветит мечом дорогу. Я увижу свет «сокровищ Вар-Вар». Самый чистый и сияющий свет!.. Пусть после смерти, но стану Вещим.

Загоревшиеся глаза вдруг вновь утратили блеск и стали пронзительно-голубыми, холодными, как прежде.

После этого разговора, естественно, записанного на пленку, Русинова вызвали к руководству закрытым отделением и взяли подписку о неразглашении любых сведений, касающихся Авеги, и как бы временно отстранили от работы, предоставив недельный отгул. Русинов снова засел в библиотеке, пытаясь отыскать хоть какие-то упоминания о «сокровищах Вар-Вар». Все это можно было отнести к бреду, но стройность и поэтика слов Авеги источали какую-то притягательную силу, захватывали воображение, как хорошая и впервые слышимая музыка. Чем больше он копался в литературе, дающей удивительно скудные знания существования древней арийской цивилизации, тем больше возбуждался интерес. Все авторы, словно сговорившись, не касались этой темы и упоминали как-то вскользь, воровато, с оглядкой. Отечественные источники, за исключением редких и сугубо научных, вообще не давали никакой информации. Все – и современные, и дореволюционные – странным образом замыкались на христианской либо ветхозаветной истории человечества, на Западной и Восточной цивилизациях, упорно обходя все, что связано с Севером и древними арийскими народами. Лишь в одной, тоненькой, как тетрадка, книжке Русинов нашел критическую статью на некую монографию какого-то серба Елачича, называемую «Север как родина человечества». Однако самой монографии, судя по каталогам, ни в одной библиотеке СССР не существовало. Это поразительное недоразумение он попытался прояснить через Кочергину; та лишь грустно улыбнулась в ответ и еще раз предложила ему прийти к ней учиться.

«Сокровища Вар-Вар», случайно упомянутые Авегой, похоже, заинтересовали не только Русинова. Когда он вернулся после отгулов на работу, вдруг узнал, что Авеги в блоке нет, что Госбезопасность забрала своего подопечного и теперь содержит где-то под собственным наблюдением. У Русинова подкатил ком к горлу, на душе стало пусто, и работа в спецотделении, престижная и интересная, неожиданно потеряла всякий смысл. Он не подозревал, что за эти месяцы так сильно привязался к своему пациенту, что он стал не просто человеком, а тем возбудителем сознания, который делал жизнь сверкающей и любопытной для молодого психиатра. В тот же день он написал заявление с просьбой вернуть его в отделение неврозов, однако руководство категорически отказало, и Русинов услышал много лестных слов о себе и своем профессионализме.

– Вы, молодой человек, не представляете, что смогли вытянуть у этой чурки с глазами, – сказал ему заведующий. – Тут у нас такие чины побывали! Наш зверинец теперь в почете у Министерства здравоохранения. Я сейчас готовлю к печати монографию, третьим ее соавтором будете вы!

А Русинов неожиданно для себя успокоился и как бы мысленно повторил слова Авеги – «повинуюсь року»...

Предмета изучения не стало, однако он словно заразился понятиями и символами, с которыми жил или в которых блуждал Авега. Русинов ощущал, что прикасается к какой-то запovedной, может быть, запретной части мироздания и ему начинает открываться новый и неожиданный смысл привычных вещей. От скудных исторических материалов он двинулся в глубь своего собственного русского языка, которым, как считал раньше, он владеет довольно хорошо. Даже поверхностное знакомство с санскритом вдруг отворило перед ним некую невидимую

дверь, за которой каждое слово неожиданно обрело тайный, глубинный смысл, наполнилось неведомой очаровательной магией. Его потянуло писать стихи, потому что он начал любоваться каждым словом. Это была восхитительная детская радость, будто он заново научился говорить и понимать язык. Оказывается, и нужно-то было лишь слегка почистить слово, сдуть с него пыль веков, чужих наречий, неверного толкования, и оно начинает сиять, как жемчужина, освобожденная от серой, невзрачной раковины. Он нашел ключ: в основе огромной толщи слов, которые означали обрядовую суть человеческой жизни от рождения до смерти, было заключено всего три понятия: солнце – РА, земля – АР и божество – РОД. Язык сразу засветился и как бы озарил сознание! Тысячи раз он говорил, например, слово «красота» и никогда не вдумывался, из чего оно состоит, почему и в чем смысл его глубокого корня, неизменного на протяжении многих тысячелетий. А всего-то навсего в этом слове изначально жило солнце, свет, потому что нет на земле ничего прекраснее. Благодаря этому ключу Русинову стали открываться все слова; их можно было петь, можно было купаться в них, как в воде, дышать, как воздухом.

– Ра-дуга, п-ра-вда, д-ар, ве-ра, к-ра-й, ко-ра, род-ина, народ, род-ник...

Этимологический словарь безбожно врал либо составлялся людьми, совершенно не владеющими способностью видеть свет слова. А ему теперь казалось, что лишь слепой не увидит выпирающих, кричащих о себе древних корней, которые, словно корни старого дуба, оголились и выступали из земли. Это открытие ошеломило его еще и тем, что он вдруг спокойно начал читать на всех славянских языках, а потом совсем неожиданно обнаружил, что ему становятся понятными без всякого заучивания все германские и иранские языки. Русинов тихо восхищался и так же тихо тосковал, поскольку начал жалеть, что не изведаль этого раньше и закончил медицинский. Он уже окончательно созрел, чтобы воспользоваться предложением Кочергиной и этим же летом пойти к ней учиться. Она была права – «бездна» очаровывала и тянула к себе, как тянул его в детстве высокий старый лес, стоящий за вятской деревней Русиново. Казалось, там, за крайними огромными соснами, сокрыт таинственный, неведомый мир, а не грибы и ягоды, за которыми ходят взрослые люди.

Однако в тот год он не поступил в МГУ, поскольку его вдруг пригласили в Министерство внутренних дел и предложили работу в закрытом, строго засекреченном Институте, который, как объяснили, хоть и занимается поисками утраченных когда-то ценностей и сокровищ на суше и на море, но требует специалистов самых разных направлений. Русинов мгновенно сообразил, в связи с чем и почему именно его пригласили в такой заманчивый Институт: Авега был у них! «Сокровища Вар-Вар»! Догадка его тут же подтвердилась.

После трехмесячной разлуки было заметно, как сильно изменился и постарел Авега. Похоже, за это время с ним круто поработали: он никак не среагировал на появление Русинова, хотя последний считал, что установил с ним довольно прочный контакт. Содержался Авега, можно сказать, в царских условиях: в отдельной трехкомнатной квартире, разумеется, законспирированной и охраняемой. Институт был в двадцати километрах от Москвы, в заповедном, живописном лесу. Тут же жили многие его сотрудники в отдельных коттеджах, но не забором с контрольно-следовой полосой и внутренней изгородью из колючей проволоки. Дом, в котором, повинувшись року, томился узник, считался служебным помещением, но специальная квартира была обставлена старинной мебелью, застелена коврами, имела потайной запасной вход и была начинена радиоаппаратурой, приборами наблюдения и представляла собой очень уютную клетку с подопытным кроликом.

Авега вовсе не угнетался неволей, а, похоже, страдал от обилия людей, желающих поговорить с ним, и вопросов, ему задаваемых. О нем тут теперь знали почти все, но ничего существенного пока не добились. В Институте была создана специальная лаборатория, которая работала по проекту «Валькирия». Госбезопасность, а точнее, ее служба, курировавшая Инсти-

тут, не теряла времени: личность Авеги была установлена, что вообще-то и послужило причиной перемещения его в ведение Института и создания проекта.

Его звали Владимир Иванович Соколов. В личном деле значилось, что он 1891 года рождения, уроженец города Воронежа, дворянского сословия, окончил факультет естествознания Петербургского университета в 1913 году...

В деле была единственная фотография, сделанная в двадцать втором году, на которой было изображено девять человек, стоявших полукругом возле овального стола, заваленного бумагами. Пятеро были в комиссарских кожанках, с оружием, и четверо – в гражданских костюмах, среди которых, судя по описи, вторым справа стоял Авега-Соколов – молодой, но статный человек с длинными «декадентскими» волосами. Все они были молодыми, с характерным для того времени наивным выражением лиц и глаз, смотрящих в объектив. Это был состав экспедиции, отправленной в Карелию на поиск варяжских сокровищ: стране требовалось золото для закупки паровозов в Швеции. В приложенной справке значилось, что экспедиция через три месяца работы переместилась сначала в Мурманскую область на реку Ура, затем вообще оставила путь из Варяг в Греки и морем перебралась в устье Печоры. Там ее след неожиданно затерялся. Экспедиция исчезла в полном составе. По одним данным, она была захвачена и уничтожена белобандитами, группы которых бродили в то время по Северу, по другим – вся целиком бежала в Англию на контрабандистском судне, естественно, не с пустыми руками. Вторая версия имела подтверждение показаниями рыбаков, которые были свидетелями, как вооруженная группа из десяти человек ночью выплыла на баркасе в море, подошла к контрабандистской шхуне и захватила ее. Команда, за исключением капитана, была перебита и выброшена в воду. Трупы английских моряков попали в сети рыбаков. Захватчики после этого подошли на шхуне к самому берегу и загрузили на нее около двадцати вычужных ящиков, привезенных на конях. Коней они тут же на берегу отпустили, даже не сняв вычужных седел, и рыбаки, в тот же день переловившие брошенных коней, в кармане притороченного к седлу дождевика обнаружили список продуктов, закупленных в потребкооперации, подписанный фамилией Пилицин. Это был начальник экспедиции. Улика говорила о массовом предательстве интересов Советской власти, во что, видимо, очень не хотелось верить, поскольку в составе группы находились четыре чекиста и политкомиссар – люди проверенные и надежные. Поэтому и родилась версия, что экспедицию захватили бандиты, уничтожили и под ее видом, с устрашающими мандатами, бродили по Северу.

Тут же, в деле, была и сравнительная экспертиза фотографии Авеги-Соколова, убедительная и бесспорная. Однако он и при таких фактах твердил, что он – Авега и больше ничего не знает и не помнит. К нему снова применяли гипноз, вводили двойную дозу препарата, расслабляющего волю, он же лишь засыпал и улыбался во сне и просыпался на имя «Авега». От него не добивались сведений об исчезнувшей экспедиции, хотя цель такая существовала; на прослушанных Русиновым магнитофонных пленках звучал почти один и тот же вопрос: есть ли они в природе, варяжские сокровища, которые он однажды назвал «сокровища Вар-Вар», или это только предположение? Для работы с теми мизерными материалами, полученными от Авеги, уже привлекался специалист-филолог, который очень толково раскрывал суть малопонятных имен и названий, произнесенных «источником» – так в служебных бумагах назывался Авега-Соколов. «Карна» переводилась с санскрита как «ухо», «слух» (отсюда в русском языке существовали слова «карнаухий», «обкарнать»), но глубинная суть имени «Карна» полностью отождествляется с мифической Валькирией и расшифровывается буквально следующим образом: К-АР-на, то есть «относящаяся к подземному миру». Выходило, что Авега знал, что говорил. «Вар-Вар» толковалось как восклицание, боевой клич древних ариев, сохранившийся в славянских племенах до нашей эры, откуда произошло и название их – варвары. Понятия «РА» и «АР» – «солнце» и «земля» – существовали неразрывно, что доказывало перевернутое звучание этих слов, и совокупно. В название горы АРАПАТ древние арии вложили смысл соеди-

нения земли и солнца. Свет и тепло как бы возжигали землю, делали ее подобной солнцу, пригодной для существования человека, ибо арии – народы Ара считали себя в буквальном смысле детьми света солнца. Поэтому их возглас «Вар» означал тепло, земной огонь, зной, и синонимом его было слово «жар». (Отсюда в русском языке возникли глаголы «варить», «жарить», название «жар-птица».) Боевой клич ариев как бы прославлял этот земной огонь. А после победы они прославляли солнце криком «УРА!», который сохранился и поныне и означал торжество света – «у солнца!» – над тьмой. Антонимом, словом противоположного значения, был горький вздох, тоже существующий и поныне, – «УВЫ!», то есть буквально «у тьмы!», ибо множественным числом «вы» называлась тьма. Поэтому дерзкие князья, замышлявшие походы на врагов, говорили «Иду на вы!» вовсе не из-за уважения к противнику, а точно определяли цель предстоящего сражения – сражения с тьмой.

И оказывается, потому нельзя называть Бога на вы...

Знатоки-толкователи были, но почему-то откровенничали лишь по просьбе Госбезопасности. Может, потому, что были уверены в полной конфиденциальности своих рассуждений: секретным бумагам Института не суждено было увидеть свет...

Видимо, в проекте «Валькирия» сотрудники не придали значения разъяснениям специалиста, и их работа оказалась невостребованной. Судя по магнитофонным записям, никто не пытался подобрать ключ к Авеге через его представления о мире либо из-за поспешности – хотелось получить сенсационный результат! – либо потому, что никто из попечителей «источника» не разбирался в его сложном мироощущении.

Русинов решил начать именно с этого. Чтобы восстановить контакт, он попросил разрешения, чтобы Авега вместе с ним мог выходить за пределы огороженной зоны – в лес и на реку. Руководство не опасалось, что Авега может совершить побег или вступить в контакт с третьим лицом, и потому прогулки за ворота начались под бдительной негласной охраной. Неведомым чутьем Авега чувствовал невидимых соглядатаев, знал, что все разговоры пишутся на диктофон, спрятанный в одежде Русинова, и поэтому ни на секунду не расслаблялся. Со своим ровно-спокойным видом бродил он по лесу, берегом реки, стоически выслушивая размышления Русинова по поводу весеннего торжества природы, и равнодушно смотрел себе под ноги. Тогда Русинов проделал эксперимент – не взял с собой диктофон и сразу ощутил, что временами Авега начал отвлекаться от своего привычного состояния – всего на несколько секунд, – но это уже был результат.

– Облака плывут, а тучи идут, – к чему-то сказал он, с легкой печалью глядя в небо. – Дождь идет, человек идет...

А глядя на весеннюю воду, неожиданно обронил:

– Время бежит, вода бежит, человек бежит, а лодка плывет.

Тогда Русинов пришел к начальству, рассказал об эксперименте и попросил хотя бы на одну прогулку снять охрану. Похоже, ему, молодому сотруднику, еще не доверяли полностью, хотя Русинов сумел доказать, что Авега не побежит, поскольку считает, что находится в неволе по некоему предначертанию свыше, по воле рока. Согласились убрать надзирателя всего на час, однако же перекрыли в окрестностях все дороги, тропы и речку, а на крышу самого высокого здания Института посадили наблюдателя с аппаратурой, который умел считывать слова с губ говорящего. Об этом Русинов тогда не знал.

О том, что эксперимент удался, начальство узнало и без доклада Русинова.

Едва покинули КПП Института, Авега начал проявлять чувства – ощущал благодать весеннего теплого дня, радостно шупал кору деревьев, нюхал, не срывая, свежие листья и вербные почки, с замысловатой улыбкой шурился на солнце и часто проводил безымянным пальцем по лбу от волос и до кончика носа. Видимо, это движение означало что-то ритуальное и конкретное: он никогда не делал его в стенах помещения. Русинов заметил, что он совершает это движение всякий раз, как только посмотрит на солнце. Возле забора он увидел крапиву

и, сразу оживившись, безбоязненно нарвал горсть мелких, особенно злых побегов, с удовольствием растер ее в ладонях, а одним целым листком, усеянным жилами, осторожно провел по лбу и носу – по тому месту, где проводил пальцем. Чтобы проверить ощущения, Русинов незаметно отстал, сорвал листок крапивы и проделал то же самое: лоб и спинку носа зажгло, казалось, кожа начинает стягиваться к обожженному месту, на глаза навернулись слезы, но неожиданно посветлело в голове! Он тут же постарался растолковать мысленно слово «крапива». Дословно получалось «напившаяся солнца» и потому, наверное, огненная...

Авега шел как бы независимо, самостоятельно выбирая маршрут, и поэтому Русинов двигался чуть сзади, давая ему возможность выбирать себе путь. Таким образом, «знающий пути» повел его вдоль высокого забора Института, с каждым шагом набирая скорость, и вдруг побежал. Русинов устремился за ним и хотел было уже перерезать дорогу, обогнав пациента, но тот резко остановился возле небольшого гниющего болота с тухлой, застоявшейся водой, скинул ботинки и забрался в грязь.

– Вот здесь хорошо, – с затаенной радостью, словно расшалившийся ребенок, вымолвил он. – Здесь все открыто и небо близко... Я постою здесь!

Русинов примостился на корточках на берегу и старательно выжидал, когда закончится странный моцион. Это болото, судя по новому забору, недавно выгородили из территории Института, вероятно, из-за гнилостного запаха. Лишь много позже Русинов выяснил, что на этом месте был когда-то подземный бункер для укрытия личного состава Института от оружия массового поражения. Говорили, что бомбоубежище из-за инженерных просчетов попросту утонуло в плавучих обводненных грунтах...

Наконец Авега выбрался из болота и, босым, тихо направился к реке. На берегу он сел, свесив ноги с обрыва, и стал медленно пересыпать песок из ладони в ладонь.

– Как твое имя? – вдруг спросил он.

– Русинов, – умышленно назвал фамилию, зная ее перевод.

– Имя – твой рок, – определил Авега и посмотрел на собеседника с едва заметным интересом.

– А как же тебя зовут? – спросил Русинов.

– У меня нет имени, я – Авега, – проговорил он и неожиданно властно приказал: – Посмотри на солнце!

Русинов покорно глянул на яркое солнце – резануло глаза, и он инстинктивно зажмурился.

– Теперь отвернись и смотри в землю с закрытыми глазами, – скомандовал Авега. – Что ты видишь?

– Зеленоватое пятно на бордовом фоне, – ответил Русинов.

– В какую сторону направлен луч от пятна? – деловито спросил Авега.

– Вниз.

Русинов ждал продолжения, а точнее, окончания этого «тестирования», но Авега отчего-то замолчал, словно что-то проверил для себя, и успокоился. Его не следовало сейчас пугать неосторожными вопросами и уточнениями, и Русинов отдавал ему инициативу беседы. На первый раз было достаточно и того, что удалось вновь наладить контакт, причем взаимный, сосредоточенный уже на личности Русинова.

– Ты изгой, Русин, – неожиданно проронил Авега, пересыпая песок. – Но рок тебе – не соль носить на реку Ганга, а добывать ее в пещерах.

Он наклонил ладонь, и песок медленно ссыпался в мутную весеннюю воду...

3

Впервые после трехлетнего перерыва Русинов снова выехал в экспедицию, но теперь уже в одиночку, за свой счет и по своей охоте. Единственное, что напоминало ему прежние поездки, было условие полной секретности; куда, зачем и почему, никто не должен был знать, даже сын, и потому требовалось сочинить легенду, которая бы успокоила всех – родных, друзей и знакомых – и чтобы никто из них не встревожился, по крайней мере до осени, и не бросился искать. Русинов напрямую или косвенно объявил всем, что нанялся в строительную бригаду шабашников и едет в Ростовскую область на все лето, где одна совместная фирма строит небольшие заводы по переработке овощей и фруктов. Это было убедительно, поскольку пенсии на жизнь не хватало, а оформляться на постоянную работу нет смысла.

Выехал он на «уазике» Ивана Сергеевича: эта машина хоть и жрала много бензина, но была проходимой и удобной – дом на колесах. В салоне были пристегивающаяся к стенке кушетка, стол, маленькая чугунная печурка и даже умывальник. Иван Сергеевич оборудовал ее для зимней рыбалки, но, правда, ни разу еще не успел съездить. Зато мечтал, как выедет на машине прямо на лед, обкидает ее снегом, чтобы не дуло снизу, и, открыв лючок в полу, просверлит лунку и опустит удочку. И будет сидеть, попивая кофеек, в одной майке...

Если бы кто-нибудь заглянул внутрь «уазика», то сразу бы определил, что это обыкновенный автотурист, которые с начала лета во множестве отправляются в путешествия по изобретенным зимой маршрутам. В салоне, привязанные к полу, стояли коробки и ящики с продуктами, запасной задний мост в сборе, раздаточная коробка, топор, пила, японский спиннинг с безынерционной катушкой и телескопическим удилищем, на стенках – плакаты с эротическими сценами – попросту почти обнаженными женщинами, на окнах – занавески с рюшками. Правда, в изголовье кушетки, под притянутым резиновой сеткой поролоном, лежали карабин Маузера с патронами, охотничий нож, а на передней панели, на виду, висел закрепленный резиновым жгутом мощный морской бинокль и в специальном чехле прибор ночного видения. Однако и это вряд ли особенно-то насторожило чужой глаз: оптика для туриста – нормальное дело, а на оружие были документы, да и всякий проверяющий бы согласился, что путешествовать в одиночку по дорогам России в наше время далеко не безопасно. Хотя Русинов прекрасно понимал, что если Служба станет разыскивать и следить за ним, то тут никакой отвод глаз, никакие оправдания не помогут и, возможно, в определенной ситуации придется даже оставить где-нибудь машину, а то и вовсе бросить и уйти, прихватив с собой рюкзак, оружие и оптику, да еще этот японский спиннинг.

В рюкзаке среди продуктов лежал батон колбасного сыра, завернутый в газету «Куранты», на которую Русинов сколот иглой карту «перекрестков Путей», уточненную после признания Ивана Сергеевича в том, что топооснова халтурная. И отдельно, на оберточной непромокаемой бумаге, была вычерчена координатная сетка. Пропитанная маслом, бумага почти скрывала след тончайшего карандаша, однако, сложенная по определенным точкам с газетой, на просвет давала более или менее нормальную картину. Кроме того, «легально» в рюкзаке лежало с десяток листов двухверстных карт, с которых был снят гриф секретности и которые продавали теперь в киосках. Уликами могли стать лишь газета и оберточная бумага. Конечно, если бы все это попало в руки Службы, конспиративные хитрости Русинова с блеском бы провалились: камуфляж был рассчитан на милиционеров, на местных сотрудников Службы. Поэтому Русинов убрал и перенес с координатной сетки все цифры на отдельный листок, который постоянно носил при себе. В этой самостоятельной экспедиции не было криминала, клады можно было искать где угодно. Русинов опасался за свое открытие – карту «перекрестков», которая давала возможность целенаправленного поиска. Если Институт, эта «птица Феникс», вновь возродился из пепла и теперь на новой экономической основе ищет

«сокровища Вар-Вар», для них эта карта – молниеносный успех. Шведы не пожалеют денег, вооружат фирму авиатехникой, суперсовременным оборудованием, и Савельев с компанией за месяц отработает все «перекрестки» и найдет тот, единственный, из двенадцати тысяч. И если Служба засечет его путешествующим как автотуриста, то, разумеется, ни в какую легенду не поверит и начнет за ним слежку, а при случае устроит еще один обыск. К тому же, если бы было точно известно, чья это Служба. Смотря на какую нарвешься: свои, российские, может, еще пожалеют или постесняются давить силой, а чужие особенно церемониться не станут – возьмут живьем, нашьпигуют уколами, и сам все расскажешь. Такого безразличия к психотропным препаратам, как у Авеги, у простых смертных нет. Поэтому Русинов как бы халтурил сам для себя – старался не запоминать координаты точек и вообще забыть принцип и идею «перекрестков Путей». Карту, или хотя бы какую-нибудь одну из трех ее частей, он успел бы уничтожить. Однако в машине находились две важные вещи, которые не подлежали уничтожению ни при каких условиях. Нефритовая обезьянка, закамуфлированная под медвежонка, была обряжена в кожаные штанишки и куртку, которые Русинов сшил сам, и подвешена в качестве талисмана на крепких капроновых растяжках около зеркала на лобовом стекле: всегда на глазах, да и вдруг на самом деле поможет ему древний арийский божок? Труднее было с кристаллом КХ-45, без которого можно было не отправляться в эту экспедицию, ибо на то, чтобы отыскать точку «перекрестка Путей» на местности – одну точку! – потребуются годы.

Человек получил разум и способность мыслить, но вместе с тем утратил те возможности и способности, которыми очень даже просто владел весь животный мир. Звери совершали переходы в тысячи километров, точно зная, где есть корм и условия существования, рыбы безошибочно находили путь к местам икромета, и птицы, родившиеся на Севере и никаких земель, кроме родины, не знавшие, отлично «помнили» дорогу на юг и место зимовки. Человек же вместе с разумом ослеп и разучился ходить по земле; он стал блуждать в пространстве, как ребенок, потеряв всякую чувствительность к пунктам ориентации. Конечно, утратил не сразу, а постепенно, и его скорость «ослепления» была прямо пропорциональна проникновению ума в тайны и загадки природы. Чем глубже человек познавал явления и процессы, происходящие в окружающем мире, тем мир этот как бы все жестче мстил ему, отнимая природные способности. Последней каплей стало для человека открытие таинства строения атома. Произошло короткое замыкание, от вспышки которого разум прозрел окончательно, но ослепли чувства единения с природой. За все следовало платить...

Первые кристаллы поколения КХ-40 были очень дорогим удовольствием, поскольку выращивались только в космосе, на станции «Салют», и использовались в приборах самонаведения крылатых ракет. Один кристалл заменил десятки килограммов аппаратуры, причем сложнейшей, и, естественно, был засекречен, имел собственный самоликвидатор, так что, не зная специального кода, его и похитить-то было нельзя, а точнее, невозможно было открыть вакуумную капсулу, где он хранился. Раздавался негромкий хлопок, и на ладонь вместо кристалла сыпался серый, невзрачный порошок. Первые КХ-40 можно было держать лишь в вакууме, поскольку на воздухе они в течение месяца истаявали, превращаясь в ничто, как искусственный лед. Зато второе поколение кристаллов – КХ-45 было много устойчивее к земной среде и выдерживало ее до года.

Вся магия кристалла заключалась в том, что он «чувствовал» магнитные силовые линии Земли и точно находил благоприятный и оптимальный путь между ними. Крылатая ракета, снабженная таким чувствительным глазом, уходила от радарных полей, не реагировала ни на какие радиопомехи и магнитные бури. Специально для Института был изготовлен прибор с кристаллом КХ-45, который должен был заменить лозоходцев с их рамками и чувствительными руками. Но сами лозоходцы противились новшеству, как могли, ибо теряли свой кусок хлеба и свое полузагадочное, не от мира сего, существование. В их руках экспериментальные приборы беспомощно ввали, кристаллы часто превращались в порошок от неосторож-

ного вскрытия вакуумных капсул, и специалисты-инструкторы научного учреждения, чтобы не активировать самоликвидацию, приносили в Институт свои, «левые» капсулы с кристаллами, не имеющие обязательного регистрационного номера.

Кристалл КХ-45 был спасением экспедиции, но одновременно и самым уязвимым ее местом. Капсула из нержавеющей стали была небольшая, размером с чайный стакан, и Русинов запаял ее в нижний бачок радиатора. Вся беда в том, что скоро этот тайник для нее уже бы не пригодился, потому что на первом же «перекрестке Путей» вынутый из капсулы кристалл невозможно было поместить назад: требовался специальный вакуумный агрегат, достать который было невозможно. Поэтому срок службы кристалла после извлечения на свет Божий измерялся десятью – двенадцатью месяцами, а надо было проехать и пройти с ним не одну тысячу километров. Кроме того, существование самого кристалла в личной собственности было законным основанием для задержания и ареста: он один из немногих вещей в России пока еще не стал предметом купли-продажи и составлял государственную тайну стратегического значения.

Загадка древних путей человека, путей миграции зверей и птиц состояла в том, что, передвигаясь на Земле с севера на юг, с востока на запад, а равно и в обратном направлении, они не задумывались об ориентирах. Они шли, повинаясь законам сансары. Это было единство всей природы, несмотря на все многообразие форм существования жизни. Они изначально знали, как пройти по земле и не попасть ни в ловушки, ни в катастрофы, найти пищу, воду, кров, а если нужно – целительные травы и корни. Знание путей хранило им не только жизнь и свободу, но и как бы позволяло исполнять все предначертания рока. Пути земные имели свои параллели с путями небесными, судьбоносными, отраженными как бы зеркально. И если ты по какой-то причине – чаще всего от болезни или старости – потерял эту способность – находиться в постоянном створе путей земных и небесных, то можешь угодить в лапы хищнику, сорваться в пропасть, умереть от безводья и голода. Суть открытия, сделанного в лаборатории Русинова, заключалась в том, что все пути как бы скользили в «спокойном» пространстве между магнитными силовыми линиями и полями, мимо магнитных бурь и штормов, находили лазейки между множеством озер, проходы в непроходимых горах, воздушные коридоры над морями и озерами. И потому древний человек знал, когда можно отправляться в путь, и не трогался с места, даже если был попутный ветер, ибо без всякого прогноза погоды ему было известно, что к обеду начнется шторм. Потому лебеди оставались вдруг дневать при ясной погоде, а зверь загодя наелся и ложился в чаще переждать непогоду. Атавизмы этого предчувствия, наверное, оставались еще у Колумба и Семена Дежнева, у Ермака и Афанасия Никитина, но только атавизмы. Колумб сразу бы «признал» Американский континент и не принял его за Индию; Ермак бы «знал», что нельзя в этот день выходить из походного шатра, ибо его поджидают опасность и смерть.

Наверное, древний человек и весь живой мир знали еще что-то, владели какими-то другими способностями и чувствами, пока не открытыми, поскольку гравитационные приметы были лишь первым пластом познания глубин мироздания. Откуда бы тогда было известно им строение Вселенной и строение атома?

Трагедии для всей живой материи на Земле наступали лишь тогда, когда они становились продолжением космических трагедий – изменения силы земного притяжения, замедление или увеличение скорости вращения небесных тел, удары огромных метеоритов, взрывы которых могли породить эффекты «ядерной зимы» и оледенение материков. Тогда все живое на Земле теряло свои способности к чувствам и ориентации в новой среде. Однако наступившее равновесие и спокойствие всех стихийных сил на Земле достаточно быстро приводили в чувство и зверей, и птиц, и человека. Они скоро находили пути и вновь продолжали свое гармоничное существование.

Личное же открытие Русинова, незарегистрированное и не защищенное авторским правом, состояло в том, что он нашел «перекрестки» меридиональных и широтных путей. И пора-

зило то, что на Земле они были обязательно чем-то отмечены, – чаще всего в масштабе «микрорекрестков» стояли церкви, а, по преданиям, на этом месте до христианства существовали языческие капища, священные деревья и рощи, а то и просто обыкновенные игрища. На «микрорекрестках» находились древние города, поселения, стоянки, и если даже было пусто и предания не сохранили ни топонимике, ни событий, с ними связанных, то при раскопках обнаруживались мощные культурные пласты либо древние поля битв.

А он рассчитывал отыскать древние арийские города, оказавшиеся под ледниковой мореной, на дне озер под мощным слоем ила, под руслами рек, а то и вовсе стертых с лица земли. Он мечтал найти центр этой исчезнувшей культуры, ибо свято верил Ломоносову: ничто не берется из ничего, и ничто не исчезает бесследно, за исключением, пожалуй, эфемерных кристаллов КХ-45. И те, наверное, испаряясь, что-нибудь выделяют...

На какое-то время даже идея поиска «сокровищ Вар-Вар» отступила на второй план, и если бы не известие, что перевоплощенный в совместное предприятие Институт, оказывается, существует и работает над проектом «Валькирия», Русинов бы еще задержался на одно лето, чтобы отработать методику поиска, уточнить расчеты, сделать поправки и подготовиться к долгосрочной экспедиции более основательно.

Теперь же он ехал в строго определенное место – на Северный Урал, в зону, наиболее вероятную для осуществления проекта. Именно здесь было самое мощное скопление «рекрестков» разной величины – от пятачков до огромных площадей в десятки километров. Словно кто-то встал посередине Евразийского континента и сгреб руками все астральные точки с запада и востока, заодно насыпав гряду Уральского хребта.

Но более, чем своим открытиям и расчетам, более, чем магическому кристаллу, Русинов доверял сохранившейся топонимике. УРАЛ буквально означало «Стоящий у солнца». А на одном меридиане с ним, но много южнее, в «стране полуденной» находилось озеро АРАЛ. Это название переводилось как соединение огня земного и небесного. Однако неразрешенной загадкой оставалось то, что в районе усыхающего Арала было почти полное отсутствие «рекрестков». Наверное, потому и нельзя жить там, где смыкаются два огня. Не зря же не советуют попадать между ними...

Однако что Северный Урал, что окрестности Арала были места малонаселенные, но это уже оттого, что человек давно перестал чувствовать, где ему следует жить, и рвался в крупные города и столицы.

Русинов выехал из Москвы через Щелково на Иваново, а оттуда через Заволжье в Городец на Шахунью, чтобы проехать через родную Вятку.

Без задержки проскочил Березники, и его вдруг словно током прошибло, когда он увидел под Соликамском знак «ГАИ – 1 км». За все это время он проехал добрую сотню таких знаков и ни разу не ощутил холодноватого озноба на затылке. Русинов свернул на обочину и ударил по тормозам. Посидел за рулем, прислушиваясь к собственному состоянию духа, затем достал бинокль и забрался на площадку-багажник, установленную на крыше машины.

Каланча поста ГАИ торчала как на ладони. Мимо нее изредка проносились машины, слегка лишь скидывая скорость: это скорее всего означало, что водители видят пустой фонарь на каланче. Минут десять Русинов присматривался к посту, но ни один гаишник так и не появился. Он снова сел в кабину, погладил медвежонка.

– Ну что, Дева, пронеси мимо!

«Дева» на санскрите означало «бог».

До поста оставалось не больше сотни метров, когда из-за угла неторопливо выступил инспектор ГАИ в белых ремнях и лениво поднял жезл. Русинов мгновенно понял – этот гаишник ждал именно его! Не зря был звонок, не зря екнуло сердце перед этим постом! Ни свернуть, ни остановиться уже было нельзя – только хуже сделаешь. И надо же, считай, на последнем посту! Дальше уже пойдут деревенские милиционеры, с которыми в любом случае проще...

Русинов сбросил ногу с педали газа и медленно подкатил к посту. Он никогда не выходил из машины при проверках, если этого не требовали. Стекло в дверце опущено, и говорить с гаишником из высокой кабины намного выгоднее, чем, например, из «Волги», когда надо смотреть снизу вверх. Еще не спрашивая документов, гаишник обошел «уазик» кругом, чего-то там посмотрел и наконец остановился перед дверцей, вяло козырнул, что-то промямлил, но четко спросил документы. Русинов неторопливо подал ему водительское удостоверение и паспорт на машину с доверенностью Ивана Сергеевича. Гаишнику на вид было лет сорок, пухлые губы, вздернутый нос и красные щеки – типичный сельский мужик, выросший на молоке и свежем воздухе. Он лениво листал документы, что-то читал, рассматривал, отгоняя комаров от лица, между делом озирался на дорогу.

– Ну что, порядок, командир? – весело спросил Русинов.

«Командир» лишь мельком глянул на него и снова погрузился в изучение доверенности. И вдруг спокойно протянул руку и спросил:

– Ключи?

Не сразу сориентировавшись, Русинов помедлил и подал ему ключи зажигания.

– Выйдите из машины, – тихо и властно потребовал гаишник.

– В чем дело, инспектор? – спросил Русинов, пытаясь оценить обстановку. На кожаной куртке не было знаков различия, но зато на груди висела бляха с номером. Русинов машинально запомнил его, сделав равнодушный вид.

– Откройте заднюю дверцу кабины, – потребовал инспектор.

– Она не открывается, – спокойно проронил Русинов. – Заставлена вещами.

Тот смерил его взглядом, указал жезлом:

– Открывайте боковую!

Русинов открыл и встал рядом, незаметно наблюдая за лицом инспектора – хоть бы один мускул дрогнул! Тяжело забравшись в салон, молча осмотрел вещи, картины полуобнаженных женщин на стенках – специально для отвода глаз повешены: мужской взгляд уж никак не минует, – однако этот с прежней ленцой спросил:

– Что в коробках и ящиках?

– Продукты, – ответил Русинов.

– А это что? – Он слегка пнул сапогом резиновую лодку в чехле.

– Резиновая лодка.

– Покажите, – сказал инспектор.

Пришлось влезать в салон. Расходясь с гаишником в тесном проходе, ощутил от него запах зеленой листвы и теплого асфальта. Шея уже была загоревшая на солнце до черноты, а воротник куртки вытерт до тканевой основы искусственной кожи. После показа лодки он почему-то неодобрительно хмыкнул, вроде как дерьмо лодка, и выбрался на улицу. Русинов решил, что проверка закончилась, но гаишник еще раз посмотрел на госномера машины и приказал:

– Откройте капот.

Забравшись в кабину, он сунулся к двигателю, что-то тер там, смотрел, затем сел на сиденье, покачался, словно пробуя, мягко ли, и тут только Русинов уловил, что его ленивый взгляд лишь прикрытие. На самом деле он цепко и молниеносно осматривал кабину. Вот задержал взгляд на медвежонке, тронул его пальцем, вот пробежал глазами по цифрам на бумажке, притиснутой магнитом к передней панели, – Русинов отмечал километраж, – напоследок покопался в зеркало заднего обзора.

– Снимайте номера, Александр Алексеевич! – отчеканил он.

Чтобы не возбуждать еще больше себя и его, Русинов послушно достал ключ и стал откручивать болты. Гаишник с прежним меланхоличным видом выступил на проезжую часть и поднял жезл автомобилю, идущему в Соликамск. Пока Русинов справлялся с номерами, он

проверил документы, багажник, что-то поспрашивал у водителя и отпустил с миром. Затем подошел к «уазiku» и встал, постукивая жезлом по сапогу. Это был сильный человек, ничего не боялся: кобура с пистолетом застегнута и сдвинута к спине. Русинов подал ему жестянки номеров. Инспектор брезгливо взял их, отнес в свою машину, потом вдруг по-хозяйски сел в «уазик», запустил двигатель и ловко заехал в загородку у стены постовой каланчи. Вместо ворот у отстойника была тяжелая двутавровая балка, которую гаишник запер на замок, и, ни слова не сказав, сел в свой желто-пестрый «жигуленок».

– Слушай, командир, – все-таки миролюбиво сказал Русинов, – мне что прикажешь, здесь весь отпуск загорать?

– Если прикажу – будешь загорать, – так же миролюбиво отозвался инспектор и лихо вывернул на дорогу.

Проводив его взглядом, Русинов вернулся к отстойнику, попинал баллоны и огляделся. Вокруг было пусто, на открытом поле гулял теплый, почти летний ветер, по обе стороны от дороги зеленели озимые, и трудно было поверить, что это мирное место может чем-то угрожать. Он точно знал, что слежки за ним не было на протяжении всего пути. Много раз он делал проверки, сбрасывал скорость, чтобы пропустить увязавшийся за ним автомобиль, запоминая его номер и цвет, но подозрения не оправдывались. И если бы его вели по радио, передавая от поста к посту, то уже за столько километров обязательно для порядка где-нибудь остановили и проверили. Русинов давно водил машину и много ездил, поэтому хорошо знал повадки ГАИ. Неужели в Москве что-то произошло и Службе – черт знает какой! – стал известен маршрут движения и конечный его пункт?

Что бы там ни было, а надо подготовиться ко всему. Кристалл в надежном месте, нефритовая обезьянка пока в безопасности – ее можно снять, если машину погонят в город. Карта!.. Русинов втащил рюкзак в кабину, развязал его, аккуратно расстелил промасленную оберточную бумагу на капоте вместо клеенки, достал хлеб, банку консервов и батон сыра, завернутый в газету «Куранты». Есть не хотелось, но он создал видимость, что приготовился к обеду. В бинокль из кабины хорошо было видно дорожный изгиб. Если появится один гаишник на «жигуленке», можно и пожевать что-нибудь; если же опергруппа – нужно успеть скомкать, изорвать координатную сетку, а отдельный лист с цифрами придется съесть. Газету можно и не трогать. Эта карта что-то значила, когда была триедина в своих частях. Отсутствие даже одной части делало ее практически бесполезной головоломкой. Примитивная конспирация была надежна, как трехлинейная винтовка.

А виноват был сам! Хоть и напряженная, но благополучная дорога успокоила, укачала бдительность, и потому презрел тот интуитивный толчок, когда увидел злосчастный знак «ГАИ». Следовало бы подождать до вечера и вообще до утра под этим знаком. Высмотрел бы, изучил обстановку и утром, когда гаишники еще не злые и не придирчивые, спокойно бы проехал... Но ведь этот ждал именно его машину! Перед ним ни одной не остановил, а нарисовался, гад, когда уже не развернуться. Может, видел, что «уазик» остановился под знаком? Если у него есть оптика на каланче, мог разглядеть и Русинова с биноклем на крыше...

Хуже всего, если сейчас вместе с гаишником прикатит Савельев и скажет: «Ну все, Мамонт, гуляй, моя фирма работает!»

Это хуже, чем опергруппа...

Конечно, Русинов бы наплевал на фирму и на Савельева, но тогда бы работы в это лето не получилось. Он фирме нужен, если делали обыск. Значит, за ним бы организовали мощное наблюдение, чтобы он выдал все, что знает и что намеревается делать в горах. И тогда бы Русинов устроил им бег с препятствиями, тогда бы поводил «экскурсии» по Северному Уралу! А заодно и по сибирской его стороне. Сам бы не поработал, но и Савельеву не дал. Таких бы заморочек ему наделал, таких бы знаков на скалах и останцах начертал!

Эти старинные знаки впервые были найдены в 1977 году. Их обнаружили сотрудники Госбезопасности, которые курировали Институт. В то время туристов по Уралу ходило немного, и те, что добирались в самые глухие уголки, обычно считались людьми серьезными, чтобы малевать на скалах. Фотографии знаков попали в Институт для расшифровки, но сколько ни бились над ними, разгадать не могли. Белой краской была изображена вертикальная линия и четыре крупные точки с левой либо с правой стороны по всей длине. Русинов специально во время бесед с Авегой рисовал эти знаки, как бы между делом, однако тот не реагировал.

Тогда где-то в верхах было решено взять Северный и Приполярный Урал под негласный контроль и ужесточить проверку приезжающих и уезжающих отсюда людей.

И не потому ли сейчас машину Русинова загнали в отстойник?

4

В первой экспедиции на Северный и Приполярный Урал Институт не участвовал. По любой территории первыми проходили разведчики – сотрудники Госбезопасности, которые оперативным путем устанавливали все условия и детали предстоящей работы в регионе – от нравственно-психологического состояния населения до метеорологических наблюдений. Это были профессиональные разведчики, работавшие внутри страны, обычно маскировавшиеся под геологов, топографов, сборщиков фольклора и даже старообрядцев – в зависимости от специфики задания. Северный и Приполярный Урал привлекал внимание Института тем, что исчезнувшая экспедиция двадцать второго года, в которой принимал участие Авега-Соколов, приплыла в устье Печоры и намеревалась подняться по ней в верховья. Кроме того, топонимические исследования этого региона показали, что около восьмидесяти процентов названий происходят от древнего арийского языка. Тогда еще карты «перекрестков» у Русинова и в помине не было, но поразительная способность слова – хранить историю надежнее, чем хранят ее курганы, могильники и городища, – как бы уже вычертила эту своеобразную карту.

Два разведчика заходили в обследуемый регион с юга, сухопутным путем, а два должны были повторить предполагаемый путь экспедиции Пилицина и подняться на моторных лодках по Печоре и собрать хоть какую-нибудь информацию об исчезнувших людях. Обо всем этом Русинов узнал лишь полгода спустя, когда к нему стали попадать материалы разведки и стало ясно, что Служба уже приступила к работе. После обнаружения этих странных знаков сухопутную группу целиком переключили на их поиск, чтобы как-то систематизировать и найти закономерности, а также на поиск человека, оставляющего эти знаки. Всего их найдено было семь, но привести эту наскальную живопись к какому-то логическому заключению не удалось. Они стояли на прибрежных скалах, на камнях у троп; один оказался на вершине хребта, а один и вовсе на кладбищенской ограде возле деревни. В том же семьдесят седьмом в Институте появился первый экстрасенс – небольшой и невзрачный человечик с вечно заспанным, припухшим лицом. Он единственный дал «вразумительное» заключение – что знаки оставлены снежным человеком, у которого своя, космическая, логика, непонятная для нормальных людей. Вскоре после этого экстрасенса убрали из Института, а заодно заменили директора.

Вторая группа прошла по реке Печоре и обнаружила лишь единственный след, оставленный экспедицией Пилицина, и то в нижнем течении. Нашелся старик, который вспомнил, что в двадцать третьем году он вместе с отцом отвозил на мотоботе то ли восемь, то ли девять человек вверх по Печоре до деревни Курово, которая относится уже не к Архангельской, а к Вологодской области: Коми АССР тогда входила в ее состав. Будто бы у этих людей была какая-то строгая бумага, по которой сельсоветы были обязаны предоставлять им лодки, подводы и даже верховых лошадей. Установить, был ли такой мандат у экспедиции, оказалось невозможным, поскольку документов об организации ее, снаряжении и экипировке в архивах почему-то не сохранилось. Неизвестно даже было, кто конкретно формировал ее, ставил задачу и кто из Совнаркома давал «добро» на ее отправку. Конечно, посылалась она наверняка с ведома Дзержинского и в строгой секретности, однако и при таком раскладе все равно должны были сохраниться материалы, в которых хотя бы косвенно – визами, справками, расписками – о ней говорилось. Зато в архивах было найдено толстое дело об исчезновении экспедиции: многочисленные и пространные допросы родных и знакомых членов экспедиции, рыбаков, советских и партийных работников – ГПУ лихорадочно и настойчиво пыталось дознаться, кто из девяти человек остался в живых. На протяжении десяти лет в дело подшивались оперативные данные о розыске, о наблюдении за семьями, пока большая их часть не была арестована и отправлена в лагерь.

Когда Русинову разрешили ознакомиться с этим делом, его поразила надпись на папке – «Хранить вечно!».

В начале семьдесят восьмого года печорские разведчики вернулись в Москву, и скоро в Институте появился их отчет с подробными рекомендациями и выводами. Сухопутная же группа оставалась до весны, чтобы собрать сведения о количестве въезжающих в регион всевозможных экспедиций, туристических групп и отследить весеннюю миграцию местного населения, связанную с летними станами на лесоповалах и химподсочке. Русинов по молодости немного завидовал работе разведчиков, хотя знал о ней лишь по поступающим от них материалам. Эти люди годами жили под чужими именами, были вольными и свободными в поиске и как бы успевали проживать несколько жизней. По крайней мере так ему казалось...

И неожиданно в мае связь с ними прервалась. Разумеется, Служба работала самостоятельно, и в Институте узнали об этом с большим опозданием, когда вдруг уже приготовившаяся к выезду экспедиция получила отбой. Пока лаборатория Русинова, все лето теряясь в догадках, из-за срыва плана занималась черт-те чем, Служба искала своих пропавших сородичей. Можно было представить, сколько согнали в регион тех же самых разведчиков, оперативников, работников милиции, ибо в этом «бермудском» треугольнике бесследно пропала вторая экспедиция! Территория была огромная, и, конечно же, если захотеть, можно что угодно спрятать или спрятаться, но какой смысл профессиональным разведчикам – молодым людям, которые у себя в стране, по всей вероятности, проходили обкатку перед работой за рубежом, – выбрасывать такие финты? Подобный добровольный поступок объяснить было невозможно, и потому Служба искала другие причины. Версия, что разведчики обнаружили тайник с «сокровищами Вар-Вар», взяли ценности и с ними сбежали, отпадала, ибо в точности повторяла версию по первой экспедиции Пилицина. В это никто не верил сейчас. Но и вторая версия практически оказалась аналогичной той, которую выдвигали в связи с двадцать третьим годом: на сибирской стороне Уральского хребта был знаменитый Ивдель – лагерное место, откуда весной семьдесят восьмого было совершено два побега заключенных группами до четырех человек. Одна группа захватила оружие, отобрав карабин у охраны нефтебазы, а потом уже при помощи него в какой-то деревне было отнято два охотничьих ружья. В течение месяца оба побега ликвидировали, заключенных частью выловили, частью постреляли и теперь добивались от живых признания в убийстве двух орнитологов, которые вели наблюдение за перелетом птиц, – под такой легендой работали исчезнувшие разведчики. Пойманные ээки были переправлены в Москву, в ведение КГБ. После долгого запирательства, уже осенью, заключенный по имени Борис Длинников признался в преступлении и сообщил, что двоих мужчин он зарезал спящими в палатке и тела бросил в реку Тавда – приток Иртыша. Убил, чтобы захватить продукты и палатку. Вроде бы все в его показаниях сходилось, но он так и не смог убедительно указать место на реке, где совершил преступление. Дело повисло в воздухе. «Орнитологов» не обнаружили ни в этот год, ни на следующий. Однако в восемьдесят третьем, когда уже Русинов возглавлял лабораторию и отрабатывал проект «Валькирия» на Приполярном Урале, у камня на безымянном пороге реки Хулга обнаружили так и не разгаданный странный знак и вбитую в землю палку с привязанным к ней уже потрескавшимся от солнца и дождя брючным ремнем. Находка была доставлена в Москву, и жена одного из пропавших разведчиков опознала ремень по пряжке, весьма редкой и характерной.

Тогда-то и возникла версия, что таинственный знак оставляется кем-то на месте гибели людей либо возле мертвых. И что вообще это знак смерти: зачем его нужно было изображать на кладбищенской изгороди? Однако никакие криптограммы, ни каббала подобного знака не знали...

И все-таки после этого стали считать, что «орнитологи» погибли в весеннем, очень бурном пороге, возможно, пытаясь переправиться на другой берег – место было узкое, – а возможно, спускаясь по реке на плоту. В то время при Институте было уже три экстрасенса,

которые отчего-то стремительно начали размножаться и завоевывать популярность. Их внедряли в разрабатываемые проекты отделов и лабораторий с такой же навязчивостью, как потом начнут внедрять кристалл КХ-45. Экстрасенсов пока еще не допускали к секретам и использовали только как своеобразных экспертов, однако они уже имели пропуски на территорию Института, свои кабинеты; они вели странный образ жизни, полускрытый, полутаинственный и полубезумный. Говорили, что это самые лучшие из всех, что ныне существуют, что за каждым десятки раскрытых по своим возможностям преступлений, хотя каких конкретно, никто толком не знал. С точки зрения Русинова как психиатра, экстрасенсы были вполне психически здоровыми людьми, а их «придурь» являлась имиджем, неким приложением к профессии. Правда, внешне они все напоминали того, первого: какие-то невзрачные, припухшие и с вечно болящими зубами и невероятной энергией к действию. Их инициативность иногда перехлестывала через край, и они стремились влезать куда только угодно, вмешивались в любой разговор, давали советы, анализировали, предрекали и прогнозировали. Они очень хотели быть нужными. Правда, одного вскоре убрали: Служба накопила на него комп-материал по мошенничеству. Оставшиеся же в первый момент перепугались, а затем стали проявлять усиленное рвение пополам с наглостью. В двери пришлось врезать кодовые замки, чтобы спастись от них и спокойно работать. В традициях Института был научный подход ко всякой проблеме; на это не жалели ни времени, ни денег, давно отказавшись от «сабельных» атак. Материал по проектам нарабатывался годами, одновременно подготавливались специалисты. Конкретные результаты получал больше всего морской отдел, занимавшийся поисками затонувших судов с драгоценностями в морях и океанах, и поэтому сухопутный, имея долговременные проекты, мог спокойно отрабатывать теоретические вопросы и методику поисков. С появлением же экстрасенсов в Институте начался какой-то медленный и массовый поворот к мистике, ясновидению и прочему вздору. К лаборатории Русинова пристегнули одного экстрасенса, и все сотрудники теперь придумывали причины, как избежать его настойчивых рекомендаций и примитивно-дилетантских рассуждений. А поскольку с его уст не сходило слово «гиперборея», то ему дали соответствующее прозвище.

И вот когда нашли брючный ремень возле начертанного знака и показали фотографию Гиперборейцу, он определенно заявил, что это – знак жизни и что на этом пороге нет смерти. Когда же удалось заполучить настоящий ремень, экстрасенс поводит над ним руками и сказал, что человек, носивший его, в настоящее время жив и находится в тюрьме. Подобное заявление всех слегка шокировало, однако Служба на всякий случай сделала запрос в Управление исправительными учреждениями.

В тюрьмах и следственных изоляторах, а также в лагерях «орнитологов» не оказалось. Гипербореец подвергался уже откровенным издевательствам, но не обижался. Это было отличительное свойство экстрасенсов, возможно, продиктованное сильной страстью к выживанию, – они не обижались, даже если их в сердцах посылали не далеко, но выразительно. Однажды Иван Сергеевич показал Гиперборейцу фотографию членов экспедиции Пилицина. Видно было, что фотография старая, и всякий хитрый человек на всякий случай бы перестраховался; этот же помахал руками, всмотрелся в лица и уверенно заявил, что четыре человека из этой группы живы и здоровы. И указал на двоих в кожаных куртках и на двоих в гражданской одежде. Если бы в это число попал Авега-Соколов, то камлание Гиперборейца стало бы сенсацией.

– Может быть, этот жив? – спросил Иван Сергеевич, указывая на молодого Авегу.

Гипербореец еще раз поглядел и с присущим нахальством сказал:

– Я не вижу его живым!

Русинов и под пистолетом бы не подпустил Гиперборейца к Авеге, хотя начальство, излеченное экстрасенсами от всех мыслимых и немыслимых болезней, настоятельно рекомендовало привлечь их к разработке «источника». Однако после этого случая, чтобы окончательно

развенчать «магические» способности нового сотрудника, Русинов показал ему живого Авегу. Правда, без контакта, через окно. Гипербореец неожиданно съехался, в ужасе вытарашил глаза и сделал движение, словно хотел прикрыться рукой. Авега же в своем покорно-спокойном состоянии гулял во внутреннем двореке своего дома-тюрьмы.

– Какая энергия! – захрипел Гипербореец. – Я не выдержу... Он меня душит! Поле! Поле!..

С ним случилось что-то вроде припадка, похожего на астматический, так что пришлось увести его из комнаты, откуда был виден внутренний дворик. Это уже не походило на игру, и Русинов задумал эксперимент. Экстрасенсам запрещалось подниматься на второй этаж особняка, в котором помещалась лаборатория, но куда они рвались постоянно и неудержимо: там находилась основная «кухня» проекта «Валькирия». Так вот Русинов в одну из этих комнат посадил Авегу и, спустившись вниз, пригласил Гиперборея. Тот с готовностью стал подниматься по лестнице, но отчего-то с каждой ступенькой ему становилось худо. Перед дверью на площадке он окончательно скис, начал снова задыхаться, словно забежал на девятый этаж, и не смог перешагнуть даже порог коридора.

– Кто-то давит меня, – пожаловался он, дрожащими руками стирая пот с бледного лица. – Кто там?..

Русинов свел его вниз и объяснил, а точнее, наврал для испуга, что на втором этаже включен специальный прибор, подавляющий самое сильное биополе. Гипербореец поверил, потому что чудес в Институте было достаточно и потому что к чудесам его не подпускали.

Таким образом, Русинов узнал, что Авега, кроме всех своих странностей, обладает еще каким-то полем, попадая в которое экстрасенсы теряют не только свои способности, а становятся похожи на мокрых куриц. Когда в Институте появился кристалл КХ-45, выяснилось, что Авега, идя по земле, как бы раздвигает собственной энергией магнитосферу, образуя вокруг себя «немагнитную» брешь, которая почему-то и смущала Гиперборея. И тогда же выяснилось, отчего «знающего пути» так тянет к болоту возле забора Института: утонувший бункер был покрыт слоем свинца, предохраняющего от проникающей радиации и как бы гасящего магнитное поле.

Он и в самом деле знал пути...

Так или иначе Гипербореец натолкнул на мысль поискать родственников тех членов экспедиции Пилицина, которые были им указаны как живые. И конечно, в первую очередь самому поговорить с ними. Служба проверяла лишь родственников Авеги, но те, что существовали ныне, даже не подозревали, что у них есть такой престарелый и очень дальний родич. Дождавшись отпуска, Русинов поехал в Ленинград, откуда были родом два участника экспедиции Пилицина. Было маловероятно, что они уцелели после тридцатых годов и после блокады. Однако у одного обнаружилась племянница, пожилая женщина, которая сразу же сообщила, что с подобными вопросами уже приходил недавно человек и что она ничего не слыхала ни об экспедиции, ни о пропавшем родственнике. Эта поездка была полезна: Гипербореец, кроме своих обязанностей, еще и «стучал» Службе и скорее всего потому удерживался в Институте и совал всюду свой нос. О факте опознания «живых и мертвых» по фотографии Службе не сообщалось.

Не заезжая в Москву, Русинов отправился в Новгород, где должны были остаться родственники топографа экспедиции Андрея Петухова. На фотографии он стоял позади всех, ибо был самым могучим и высоким, с модными тогда маленькими усиками и во франтоватом белом костюме-тройке. У него одного взгляд не был заморожен фотографом, и, судя по плутоватому выражению лица, он наверняка был душой экспедиции – неунывающим балагуром, скабрешником и, возможно, любителем флирта. В Новгороде Русинову повезло дважды: во-первых, он довольно быстро отыскал родную сестру Андрея Петухова, Ольгу Аркадьевну Шекун, семидесятисемилетнюю женщину, известную в городе как старейший детский врач. Во-вторых, то

ли Гипербореец поскромничал, то ли Служба еще не расшевелилась, но у сестры Петухова никто не был и о брате не спрашивал с тридцать второго года. Они очень быстро нашли общий язык – помогло медицинское образование Русинова, но как он ни старался, так ничего и не добился. Ольга Аркадьевна с удовольствием рассказывала о брате лишь до двадцать второго года. Андрей Петухов и в самом деле был огромен телом и, как всякий физически сильный человек, добродушен, весел и отважен. Русинов узнал одну любопытную деталь: из девяти человек один Андрей оказался женатым.

У него была дочка двух лет, Лариса, которую он ставил на ладонь вытянутой руки и держал сколько угодно. Сестра ничего об экспедиции не знала, однако как-то раз Андрей обмолвился, что должен поучаствовать в одном мероприятии, но боится, что его не возьмут именно потому, что женат и имеет ребенка. Выходило, что в экспедицию брали только холостых, ничем не связанных людей. А его все-таки взяли, и после отъезда он не подавал о себе никаких известий. Жену арестовали в тридцать первом году, и Лариса осталась на руках у Ольги Аркадьевны. После лагерей жена Андрея вышла замуж за какого-то беспутного (после Андрея сестре все мужья казались беспутными) человека и опять была арестована. Ларису из-за родителей не принимали в институт, и она работала на швейной фабрике. Во время войны Ольга Аркадьевна с племянницей эвакуировались в Чувашию, а когда настала пора возвращаться в Новгород, Лариса не захотела ехать и осталась жить на станции Киря.

Все, что произошло после тридцать второго года, Ольга Аркадьевна рассказывала словно для протокола; в этом ощущалось и недоверие к Русинову, и какой-то застарелый страх.

Прощаясь, Русинов попросил у нее адрес дочери Андрея. Но Ольга Аркадьевна как-то смущенно объяснила, что связь с ней давно утеряна и где сейчас Лариса – ей неизвестно. Возможно, прошедшая в тридцатые годы через допросы, пожилая женщина не хотела осложнять жизнь племянницы, а возможно, что-то скрывала из-за того же недоверия. Русинов не хотел надоедать этим людям своими расспросами, да и дочь Петухова вряд ли бы рассказала что-нибудь существенное.

После этой поездки по «родне» Русинову впервые пришла мысль о какой-то заведомой предопределенности судьбы экспедиции Пилицина. Если бы он сам не читал материалов следствия тридцатых годов, можно было бы смело сказать, что «роком» ей предначертано погибнуть в любом случае. Даже если бы они нашли эти мифические сокровища варягов. Сколько ни рылся Русинов в архивах и литературе, сколько ни беседовал со знатоками, в том числе и с Львом Николаевичем Гумилевым, никто не имел представления о них. Даже такого предположения никто не высказывал, по крайней мере в научных трудах, монографиях и популярных книгах по истории, ни в СССР, ни за рубежом – в скандинавских странах. Кому пришла в голову эта идея? Кто смог ее донести «наверх», Дзержинскому, например, тогдашнему наркому путей сообщения? И как могли доказать целесообразность экспедиции, какими аргументами пользовались? Но если смогли убедить «железного Феликса», значит, аргументы были, только весьма конфиденциальные, с глазу на глаз, по особому обоюдному доверию. А это значило, что третий тут был лишний! Если бы экспедиция что-то нашла, ее бы ликвидировали как свидетеля. И не нашла – тоже бы исчезла.

И если так, то обреченные кладоискатели могли сами об этом догадаться и попросту «самоликвидироваться», действительно захватив судно английских контрабандистов. Семей нет, терять нечего, а жить хочется даже самому распоследнему убежденному большевику и чекисту. Пилицин со товарищи отыскивает сокровища, а их убирают и присылают каких-нибудь «мелиораторов», как было в Цимлянске.

Но откуда же тогда, из каких толщ и глубин выплыл этот «знающий пути», странный, как пришелец, Авега-Соколов? И куда пропали разведчики, эти современные чекисты? Им-то ведь уж совсем ничего не грозило! Небольшая увлекательная прогулка по живописным местам Приполярного и Северного Урала...

Нет, за всем этим что-то было! Но всякий раз мысль наталкивалась на пустое пространство, неподвластное ни разуму, ни магическому кристаллу.

В этот же год регион, над которым парила прекрасная дева-воительница Валькирия, внезапно изумил тем, что может не только красть людей, но и возвращать их. К концу лета Русинов остался в горах на пару с Иваном Сергеевичем под присмотром ангела-хранителя из Службы, имеющего земной образ егеря – охранника заповедника. Работали относительно недалеко от Ивделя, на восточном склоне. С помощью портативной сейсмоаппаратуры искали пустоты и скрытые карстовые пещеры, делали визуальный осмотр трещин, проверяли устья ручьев и мелких речек и охотились за карстовыми воронками. Палатка стояла на уступе склона среди сосен, «егерь» же, как положено, жил чуть ниже, особнячком. И вот в середине августа, в самую красивую пору, когда на горах уже начинают желтеть деревья, посвистывают рябчики, а воздух такой, что можно делать цейсовские линзы, ниже по склону спустилась семья: муж с женой и дочка семи лет. Приехали откуда-то аж из Липецкой области, чтобы недельку пожить в горах, а потом спуститься по реке до города Серова. Бдительный «егерь» проверил документы и выдворил их за границу заповедника, которого не существовало в природе, то есть километра на полтора ниже своей палатки.

Однажды вечером они прибежали к «егерю», едва живые от бега в гору, и сообщили, что потерялась девочка. «Егерь» строго допросил их и выяснил, что пока папа с мамой любовались друг другом в палатке, девочка пошла любоваться природой и ее хватились лишь через три часа. Было не до конспирации, и на поиски пошли все. До глубокой ночи лазали по горам, кричали, стреляли, однако эхо сбивало с толку даже взрослого человека. Наутро «егерь» по своим каналам вышел на радиосвязь и сообщил об исчезновении. В первый день искали только милиция и члены экспедиции, на второй привезли местных охотников, на третий прилетел и с утра до ночи кружил вертолет. Родители ссорились и убивались от горя. В пору торжества уральской природы в горах стало тяжело и мрачно. На ноги подняли много народу, повсюду стреляли и жгли ночами костры, по всем окрестным селам разослали ориентировки, но девочка словно сквозь землю провалилась, что, собственно, в прямом смысле и подозревал Русинов.

И вдруг на четырнадцатый день пришло сообщение, что девочка жива и здорова, а находится в деревеньке за двести десять километров от места, где были разбиты палатки! И будто выглядит лучше, чем была, – поправилась и посвежела. За счет Института Русинов вызвал вертолет и полетел за ней один, чтобы получить незамутненную информацию из первых уст. Девочку звали Инга. Русинов ее раньше не видел, но она на самом деле не смотрелась как изможденная и исхудавшая и, судя по ногам, словно и в горах-то не была. Инга оказалась веселой, словоохотливой и даже счастливой. Она рассказала, что заблудилась недалеко от своей палатки, и когда начали стрелять, то ошиблась и пошла в другую сторону. Первую ночь ночевала одна под деревом и сильно замерзла, а на второй день снова пошла на выстрелы, и опять не туда. В полдень же ей повстречался прекрасный молодой человек или даже юноша. Он был высокий, сильный, с красивой бородой и огромными, чуть печальными глазами. И одежда на нем была очень красивая, какая-то перламутровая. Он сказал, что он – Данила-мастер и служит у Хозяйки Медной горы в глубоких подземных пещерах, которые проходят подо всем Уральским хребтом, да только люди о них не знают, и что он каждый день встречается с Хозяйкой: утром, чтобы получить задание на день, а вечером – чтобы расчесывать ее прекрасные золотые волосы малахитовым гребешком, но это при условии, если выполнит задание к битому часу – удару медного подземного колокола. Он посадил девочку себе на плечи и понес в деревню. Он шел и все рассказывал про свое подземное житье, и так здорово, что Инге захотелось посмотреть. Но Данила-мастер сказал, что Хозяйка не любит земных девочек и всех прогоняет прочь и что может его наказать – отправить в Зал Мертвых и посадить на медную цепь лет на сто. И так они шли долго, и ехать на плечах было восхитительно, намного лучше, чем у папы. Возле речек Данила-мастер вдруг вырастал и становился о-о-огромным! Выше леса! И перешагивал

воду. Ей было немножко страшно, потому что поднималась слишком высоко над землей и боялась свалиться. А ели они какой-то уж очень вкусный хлеб, такой, что к нему не нужно ни колбасы, ни масла с сыром, и пили воду из каких-то родников – совсем сладкую. Инга ему тоже рассказывала, как люди живут на земле и что она нынче пойдет в школу, в первый класс. Ей было так хорошо, а Данила-мастер такой красивый и сильный, что она влюбилась в него. И он тоже влюбился. И сказал, чтобы Инга, когда вырастет большая и исполнится ей восемнадцать лет, пришла к одному камню в горах и что он будет ее там ждать. И они поженятся, но прежде попросят благословения у Хозяйки Медной горы. Данила был уверен, что она согласится, потому что ему пора жениться.

Слушая эту восторженную сказку, Русинов пытался разделить все на «шестнадцать», чтобы отсортировать рациональное зерно и понять, какой же романтический турист-бродяга выносил Ингу из лесу. И потому, подыгрывая, машинально спросил:

– А ты хорошо запомнила этот камень? А то забудешь, придешь в горы и не найдешь. И твой Данила-мастер умрет от тоски.

– Конечно, запомнила! – воскликнула Инга. – Только маме с папой не говорите. А то она пойдет и сотрет заметку.

– Какую заметку? – слегка шалея от предчувствия, спросил Русинов.

– Не скажу! – засмеялась она. – Никому не скажу!

– Мне можно, – доверительно сообщил Русинов. – Мне все тайны можно доверять.

– А вы не сотрете?

– Никогда! И никому не позволю стереть.

Инга взяла палочку и начертила тот неразгаданный знак: вертикальная линия и четыре точки с правой стороны. Русинова пробрал озноб.

– Когда мы полетим на вертолете, ты сможешь показать мне этот камень?

– Смогу! – легкомысленно заявила она.

– Но ведь в горах все камни одинаковые, а с высоты заметки не увидишь.

– Это особенный камень! – таинственным шепотом сообщила Инга. – Он стоит на таком обрыве, и оттуда далеко-о видно... А когда он принес меня к деревне и спустил на землю, вот что подарил!

И она достала из кармана куртки кусок малахита величиной со средний кусок мыла с красивым сферическим рисунком на одной стороне и полосатым на другой. Камень был дикий, необработанный и, видно, от долгого пребывания в брезентовом кармане слегка отшлифовался по углам. Эх, поглядеть бы на него получше! Понюхать, покусать, Авеге подсунуть... Да ведь как отнять такой подарок у счастливого ребенка?

– И ты простила с Данилой?

– И я простила, – со взрослой печалью сказала Инга. – Но скоро же встретимся! Через одиннадцать лет...

– А как вы простились, расскажи.

– Как?.. – Она задумалась. – Он мне поклонился... И я ему поклонилась...

Люди, что приютили Ингу у себя, рассказывали, что девочка пришла от опушки леса одна. Разве что все время оборачивалась назад и кому-то махала рукой. И потом сообщила, что ее нашел и принес Данила-мастер, но ничего подобного им не рассказывала.

Когда они полетели на вертолете к стану, Инга сразу же прилипла к иллюминатору и с какой-то тоской смотрела на землю. Минут через двадцать она закричала в ухо Русинову, показывая на гору:

– Вон! Вон мой камень! Вижу! Это он!

На краю каменистой осыпи был высокий, заметный останец, чем-то напоминающий памятник Островскому возле Малого театра: будто на краю обрыва в глубокой задумчивости

сидел человек и смотрел в землю. Русинов незаметно поставил точку на своем планшете, а Инга всю дорогу потом смотрела назад...

Вертолет поджидали, на площадке прыгали люди. Русинов предупредил пилотов, чтобы не выключали двигатель, так как сейчас же полетят назад. Родители Инги кинулись под винты, схватили дочь, а Русинов, стоя в проеме распахнутой двери, знаком подозвал к себе Ивана Сергеевича. Не хотелось брать с собой к камню «егеря», который был тут же на площадке: он бы немедленно отправил по своим каналам информацию и задолбал бы вопросами. А если откровенно, то Русинову просто не хотелось делиться секретом Инги со Службой, которая немедленно начнет розыск спасителя девочки, заморочит ей голову допросами и разрушит прекрасную сказку про алые паруса.

Иван Сергеевич заскочил в кабину, и Русинов, захлопнув дверь, показал пилотам большой палец вверх. Вертолет взмыл в небо, и было видно, как замахал руками и заметался «егерь». Конечно, он обязательно доложит своим, что Русинов с Афанасьевым вылетели куда-то без охраны, но от Службы можно было всегда отбрехаться...

По пути Русинов практически ничего не рассказывал Ивану Сергеевичу, желая поставить его перед фактом. Когда же приземлились неподалеку от «Островского» и пешком подошли к осыпи, спину Русинова вновь ознобило: на камне был знак! Причем намалеванный совсем недавно. Белая краска – автомобильная эмаль – еще свежо и ярко блестела, не побывав ни разу ни под дождем, ни под жарким солнцем.

Они на четвереньках оползали подножие останца, но камень не оставлял и не хранил следы. Русинов наковырял со щебенки под знаком капли пролитой краски для анализа и молча побрел к вертолету.

Неизвестно, кто спасал Ингу, но то, что именно этот человек оставлял таинственные знаки в горах, было несомненно.

А если так, то приходилось верить в сказки...

5

В этом году Инге Чурбановой исполнилось восемнадцать лет.

Время до августа позволяло поработать в Ныробе и забраться в долину, лежащую между реками Вишерой и Колой, где была одна из огромных «площадей» на «перекрестке Путей», чтобы затем оттуда пройти в верховья Вишеры, перевалить Уральский хребет и спуститься к заповедному камню. Залечь там, зарыться, затаиться и ждать двадцать девятое августа – день, когда должны встретиться Данила-мастер и Инга. Подглядывать за чужим свиданием было нехорошо, но если верить сказкам, то грядущая встреча сулила сенсацию космического порядка. Возле останца, меченного знаком, должны сойтись Правь и Явь, вода и пламень, бытие и небытие, правда и вымысел. Одним словом, должна была свершиться мечта.

Между тем совсем стемнело, и все машины, идущие от Соликамска, светили лишь фарами в лицо, и, как кошки ночью, все были серы. Возле поста они уважительно сбрасывали скорость, и Русинов оживлялся – не инспектор ли? Тот же подрулил лихо, по-хозяйски. Вылез из кабины, потянулся, размялся – подзасиделся за рулем, далеко ездил...

Он был один, и Русинов с облегчением спрятал листок с координатами. Сейчас подойдет и извинительно скажет: «Ошибочка вышла, гражданин, прошу извинения...» Но инспектор неторопливой походкой прибрел к отстойнику, постучал жезлом по дверце:

– Ну что, загораешь?

Русинов успел набрать в рот пищи, сказал сдавленно:

– Ужинаю...

– Это хорошо, – одобрил тот. – А что без света?

– Аккумулятор берегу, – пробурчал Русинов, однако же включил лампочку в кабине.

– Да, аккумуляторы сейчас дорогие...

Заметно было, что настроение у него изменилось – инструкции получил! – но извиняться при этом не спешил.

– Так куда же ты направляешься? – спросил он, стабильно перейдя на ты.

– На речку раков ловить! – прожевав, засмеялся Русинов.

– Ну, раков у нас не водится, – серьезно заметил гаишник. – А вот люди в наших краях теряются.

– Какие люди?

– А вот такие, наподобие тебя. – Он открыл дверцу. Русинов сидел босой.

– И много потерялось?

– За все годы считать, так много!

– Сколько за последние, допустим, двадцать лет?

– За двадцать? – Гаишник приподнял жезлом фуражку на голове, считая в уме. – А четверо!

Он врал! Или за те три года, что Русинов не приезжал сюда, потерялось еще двое...

– Ну, это мало...

– Как сказать – мало... Четверых мы только знаем, это на моей памяти. – Он косил свой ленивый и внимательный глаз на внутренности кабины. – А сколько пропало, которых не знаем? Никто не считал.

– Неужто бывает, что человек пропадает, а родная милиция – ни в зуб ногой? – продолжал играть простачка Русинов. – Непорядок.

– Наведи с вами порядок, – проворчал тот. – Лезете хрен знает куда и хрен знает зачем. Будто медом намазаны горы... Вот если потеряешься и вызовут вертолет – знаешь, сколько за него платить придется? Если, конечно, тебя найдут?

– Сколько?

– Машину свою продашь, так еще и должен останешься...

– Ну, если так, я лучше пропаду насовсем, – засмеялся Русинов. – Машина чужая, платить нечем...

– Вам, дуракам, все смешочки! – насторожился инспектор. – А нам по горам бегать да по тайге. Мы – не вертолеты же... Значит, так: вешай номера, забирай ключи и документы на машину.

– А права?

– А права будут на этом посту, – отчеканил инспектор. – Поедешь назад – вернут.

– Вот это у вас порядочки! – ахнул Русинов, чуя, как этот лентяй между делом вяжет его по рукам и ногам: сказал-то – всего на месяц, в отпуск! Не явись вовремя – подождут и поднимут тревогу...

– Да вот такие уж, – согласился гаишник. – А как за вами еще контроль наладить? Кто узнает, в горах человек или уехал? Тут все на глазах...

Он точно работал на Службу! И ездил советоваться к «егерю», как поступить с этим Русиновым. «Егерь» все понял и взял его в ежовые рукавицы.

– Беречь надо людей-то, – добавил гаишник. – С милиции спрашивают, вот и мы спрашиваем...

«Егерь» наверняка уже вышел на связь и доложил по команде, что бывший завлаб Института Русинов объявился в пределах региона, что снаряжен, судя по продуктам, надолго, что морочит голову отпуском и чистым воздухом. Через несколько часов «егерю» дадут рекомендации и режим наблюдения за объектом...

– А еще везде кричат: «Свобода личности!» – заметил Русинов и босым выскочил на теплый асфальт. – «Победа демократии!...»

– Это еще не все, – сказал инспектор. – В Чердыни заедешь в турбюро и там зарегистрируешься. И получишь рекомендации, как вести себя в условиях горно-таежной местности и удаленности.

– Во как! – усмехнулся Русинов: «егерь», по всей видимости, сидел в Чердыни, в этом турбюро, и пожелал познакомиться и «пощупать» его лично. Круто брали!

– В чужой монастырь со своим уставом не ходят, – назидательно сказал гаишник.

– Это верно! Да только я в Чердынь не собирался!

– Тогда в Красновишерске – все одно...

– Я и туда не хочу!

Инспектор развел руками, недоуменно свистнул:

– Где же ты рыбачить собрался? Сказал же – на Колве?

Он помнил каждое его слово!

– На Колве, да поближе где-нибудь...

– Все равно регистрироваться надо! – отмахнулся он. – Хоть в луже рыбу лови потом...

Гаишник сунул ему документы с ключами, выложил из своей машины номерные знаки и отправился на проезжую часть. Русинов прикрутил номера, убрал еду с капота и бесценные бумаги в рюкзак и, прежде чем сесть за руль, подошел к инспектору.

– Командир, скажи, пожалуйста... На кой ляд ты меня держал здесь семь часов? – спросил он с прямой откровенностью. – Сказал бы сразу все свои условия, и дело с концом. Я из-за тебя в баню опоздал!

– На кой? – поморщился он. – На кой... Откуда я знал, какие нынче будут условия? Все же меняется... А ты нынче – первая ласточка. Вот и ездил... На кой... Гляди, через недельку повалят!

– Ну, если так, – с некоторым удовлетворением бросил Русинов, хотя на душе опять заскребло: ездил «стучать»! Не может быть, чтобы в начале июня в горах никого не было из

савельевской фирмы! У этих-то права не отбирали и фамилии не спрашивали, с почетом встретили, сопровождали, обеспечили беспрепятственный проезд, под козырек.

Выезжая на трассу, Русинов неожиданно увидел полное к себе равнодушие со стороны гаишника и стал отмечать подозрения. Может, они на этом посту и не «стучат» вовсе. ГАИ могут использовать вслепую: прикажут изымать права у всех иногородних водителей, особенно из крупных городов и столицы, – они будут исправно отбирать. А что, зачем – не их ума дело. «Егеря» же сидят по своим местам и лишь управляют...

На следующий день утром он был в Чердыни...

Через этот древний город проходил Великий Северный путь, на котором «сидели» Строгановы, держали его в руках, а вместе с ним и все Зауралье. Они еще знали земные и небесные пути, имели представление о «перекрестках», ибо все города закладывали в этих точках. Они еще владели не только территорией, но и Пространством, четко осознавая себя владыками всего Северного Урала.

Русинов отыскал турбюро и по виду помещения сразу определил, что новшество это введено год-два назад якобы для контроля за «дикими» туристами. В коридоре на стенах висели плакаты по технике безопасности в лесу, горах и на воде. И само здание, вернее, помещение в трехэтажном, наверняка строгановском, особняке с лепными карнизами еще не было толком обжито. Можно было представить, сколько они платили за аренду! Значит, либо издержки за все несет Служба, либо нашелся предприимчивый, сообразительный мужичок, который понял, что деньги делать можно из ничего, обирая «полудурков», стремящихся в горах сломать себе шею. Тут же, в коридоре, висел ценник пребывания туриста в районе из расчета двадцать дней – сто тысяч рублей! И ценник тарифов, взимаемых за нарушения правил пожарной безопасности, замусоривание лесов, порубку деревьев. В зависимости от ущерба, если не заведено уголовное дело, – до пятисот долларов! Скорее всего эта контора существовала специально для отпугивания «дикарей»: съездит один раз, натерпится страхов и, вернувшись с пустыми карманами, больше уже не сунется.

Кроме всего, в пожароопасный период доступ в леса и горы прекращался вообще.

Без всяких разведчиков, тайных наблюдателей и «егерей», без специально подготовленных людей, имея под руками человек пять бойких и ходких парней, можно было управлять внутренней жизнью огромного пространства, куда бы уместились Италия, Франция, пара Австрий. Пустынные места сделали бы этих людей всесильными, а полномочия их – неограниченными. Власть такого турбюро, по представлениям европейской цивилизации – третьей-степенной, пустяковой организации, созданной во имя сервиса и прислуги, для России могла быть неоспоримой и высшей. Как тут понять ее, Россию?..

И в другое время Русинов был бы благодарен такой власти.

Две девушки в обставленном мягкой мебелью кабинете пили чай. На столе стоял компьютер, в углу – телефакс – совершенно лишние вещи для районного турбюро. Все-таки кто же финансирует?.. Русинов заплатил деньги, получил путевку, красочно отпечатанную на хорошей бумаге, и за отдельную плату туристическую карту Северного Урала.

– Радиомаяк брать будете? – вдруг спросила одна из девушек.

– А зачем мне маяк? – изумился Русинов.

– Если заблудитесь – включите, – объяснила та. – Он легкий, портативный... Спасатели отыщут.

– Возьму! – решил Русинов. – Вдруг правда заблужусь!

Сервис тут был действительно европейский! Девушка выложила перед ним прибор размером с мыльницу, обтянутый кожей с поролоном.

– А как пользоваться-то? Уж научите! – сыграл он.

– Вот кнопка, – указала девушка. – Заблудились – нажали. И сидите на месте. Батарейки хватит на сутки. Через сутки вставьте запасную, вот сюда.

– Отлично! – похвалил Русинов. – Наконец-то и к нам приходит цивилизация.

– С вас еще двести восемь тысяч!

– Сколько? – ахнул он.

– Это залог, – объяснила девушка. – Сдадите прибор – восемьдесят пять вернем.

Русинов отсчитал деньги, спрятал прибор в карман. Эта фирма не прогорит никогда...

– А сейчас к пожарнику на инструктаж! – распорядилась девушка и снова взялась за чашку с чаем.

Здесь оперативник Службы назывался «пожарник». Скорее всего он и руководил работой турбюро.

«Пожарник» оказался человеком молодым и спортивным, несмотря на простоватое лицо, корректным, что особенно подчеркивало его истинную профессию. Своеобразная среда Службы безопасности, как армия или лагерь, незаметно воспитывала особый, «узнаваемый» опытным глазом тип людей. Обычным «проколом» было для них то, что они никогда не смотрели человеку в глаза, а куда-то в переносье, и поймать их прямой взгляд было невозможно. Наверное, сотрудников Службы не учили поступать именно так; природа, сопротивляясь неестественному состоянию двуличия человека, таким образом как бы стыдилась за себя и помимо воли отводила взгляд.

– В наших краях бывали? – сразу спросил «пожарник».

– О, конечно! – признался Русинов. – Много раз... Только вот три года не приезжал. Вижу – перемены...

– Рынок, – просто ответил он. – За все надо платить.

– Это точно!

– Значит, вы – человек в условиях горно-таежной местности опытный?

– Разумеется! – засмеялся Русинов. – Десять пар сапог набок стоптал.

– Почему набок? – не понял он.

– Потому что по косогорам ходил, – не без иронии объяснил Русинов. – А Козьма Прутков сказывал...

– Если с опытом, значит, и спрос будет особый, – прервал «пожарник» официальным тоном. – Лето ожидается сухое, знойное. Вот журнал. Вписывайте свои данные и расписывайтесь.

Русинов все аккуратно выполнил, и «пожарник» мгновенно потерял к нему интерес. Инструктаж закончился. Он был свободен и даже обескуражен таким оборотом: если это настоящий пожарник, то почему не спросил даже маршрута движения? Неужели надеялся на радиомаяк? Инспектор ГАИ семь часов мотал нервы!

А может, после обыска в квартире он стал пуганой вороной?

Если бы сейчас точно знать, спасательный ли это радиомаяк или «шпионский», отпало бы сразу столько вопросов и сомнений! Однако коробочка из твердой пластмассы была неразъемной, спрессованной из двух частей горячим способом. Наружу выходила кнопка включения, мягкая антенна, и в нижней части была ниша с гидроизоляционным уплотнением, куда вставлялась специальная батарейка. Прибор мог работать и под водой...

А не возьми Русинов ее – вот тогда бы точно вшили! И не знал бы куда. В Институте издавна существовало правило: если вычислил «стукача» – ни в коем случае не трогай его, не подавай виду. Иначе его уберут и завербуют либо подставят другого. Ходи и гадай кто. Лишь по этой причине терпели Гипербореяца...

В тот же день ближе к вечеру он достиг Ныроба. Здесь кончался асфальт. Далее были только проселочные и лесовозные дороги. Русинов сориентировался и, выбрав направление, которое в конечном итоге диктовалось лесовозной трассой, двинулся на восток, «пошел в гору». По его предположениям, в междуречье Вишеры и Колвы, на «перекрестке Путьей» земных и небесных, стоял древний арийский город. Он имел вид и форму солнца – от центра, где

стоял храм Ра, во все стороны расходились лучи – радиальные улицы. Двенадцать тысяч лет назад Землю потрясла катастрофа. Можно было противостоять врагу, но не льдам, пожирающим материк – благодатную, райскую землю. «Стоящий у солнца» расколол ледник и остался стоять непокоренным, однако его склоны были исковерканы и стерты. Держа на своей спине огромные массы грунта, принесенные со Скандинавского полуострова, он отяжелел, потерял скорость, энергию и лег издыхать. Предполагаемый Русиновым город оказался на самой границе оледенения и мог быть лишь похороненным под мощным пластом морены, которая легла у западного склона после таяния льда. Конечно, он не ждал, что обнаружит город с улицами и домами; наверняка тут все было разрушено, раздавлено, однако при этом не перенесено со своего места, не сдвинуто и не перемешано с моренными отложениями.

«Вишера» на древнеарийском языке означает «лежащая, вытянувшаяся от солнца», а «Колва» могло быть переведено как «звучащий круг» либо «круг звенящий». На аэрофото-съемке и топокартах, а особенно на космических снимках река Колва выписывала огромный полукруг, огибая подножие горы. Вишера действительно лежала, вытянувшись на запад, от восходящего солнца: древние вкладывали в названия исчерпывающую информацию. Где-то тут, в междуречье, еще в восемнадцатом веке было поселение с названием «Кошгара», скорее всего полученным от названия горы. Когда Русинов отыскал упоминание об этом поселении, затрепетало сердце. Для глухого к слову уха оно звучало не по-русски, и чаще всего подобные названия относили то к тюркскому, то к угро-финскому. И хорошо, что современные люди оглохли к своему языку, иначе бы давно отыскиали и промотали все сокровища, оставленные предками, вероятно, для нужд и времен более серьезных. Так вот «Кошгара» в переводе с арийского звучало как «сокровищница с золотом», или «гора-кладовая». «Кош» – то же самое, что и знакомое «кошт», – означало «сокровищница» и на всех языках, сохранивших свою арийскую первооснову, выражало «средства к существованию, содержание, расходы, стоимость». «Гара» в первоначальном, акающем, русском языке, который сохранился в Белой Руси, была современной «горой» и буквально переводились как «движение к солнцу». Санскритская «агара» обозначала «золото», однако не в прямом смысле, а в том, что всякая гора при восходящем или заходящем солнце золотится, горит как золото.

И теперь Русинову следовало отыскать место, где стояла Кошгара, а от него уж, как от печки, плясать дальше. Но прежде для полной уверенности надо было исследовать радиомаяк, не шпионит ли прибор, который должен спасать. Черная коробка в мягкой искусственной коже не подавала никаких признаков жизни, словно камень. Магнитный радиосигнал можно было засечь лишь кристаллом КХ-45, а он находился в нижнем бачке радиатора. Проехав от Ныроба километров двадцать, Русинов облюбовал себе место на берегу Колвы, загнал машину от глаз подальше и стал снимать радиатор. С собой у него были большой кузнечный паяльник со всеми причиндалами и паяльная лампа. Он умышленно не разводил костра, чтобы не привлекать внимания, однако его все-таки заметили, и на проселке остановился гремющий пыльный лесовоз. Шофер с утомленным и черным от пыли лицом подошел к Русинову и сдержанно поздоровался.

– Что, пробил? – кивая на радиатор, спросил он.

– Да нет, – отмахнулся Русинов, – течет!.. Мне его паяли, паяли, а он все равно...

– Ты что, из Москвы? – спросил шофер, глянув на номерные знаки.

– Из Москвы...

– Дак чего, помочь тебе?

– Ничего, сам справлюсь! – бодро ответил Русинов. – Тут два раза паяльником ткнуть.

– Сначала прогрей хорошенько, – научил его шофер и сел рядом, закурил. – Потому плохо и запаяли, что не прогрели как следует. Вон как наляпали! Ну кто же так паяет? Руки оторвать!

Русинов не хотел при нем начинать работу и тоже сел рядом, достал сигареты, хотя практически не курил.

– В отпуск? – спросил шофер, ковыряя ногтем олово на шве радиатора.

– Да, порыбачить, отдохнуть... Ты тут места знаешь, нет?

– Как же не знаю? – Он оглянулся на реку. – Знаю...

– Куда посоветуешь податься? – Русинов прикурил. – Где клюет?

– А, сказал бы тебе, где клюет! – засмеялся шофер. – Есть тут место! Как забросишь – так клюнет!

– Где это? – заинтересованно спросил Русинов.

– Где-где... На пасеке!

Русинов вдруг понял, что шофер не притомился от работы, а попросту недавно выпил и хмель еще только расходится.

– Знаешь, я б тоже клюнул на пасеке, – по-свойски сообщил он. – Девятый день в дороге... А баня там есть?

– Должно, есть! У него там все есть! – Шофер оглянулся на горы. – К нему все ныряют. Километра четыре отсюда поворот. Выезжай на него и дуй в гору. Там найдешь! Ваш брат у него все лето пасется...

– Слушай, а до Кошгары тут далеко? – между прочим спросил Русинов.

– Далеко-о! – уверенно заявил шофер. – Отсюда не попадешь!

– А откуда попадешь?

– Это тебе через Свердловск надо, по-новому – через Екатеринбург.

– Так далеко?

– А за хребтом! В Азии! – объяснил весело он. – Мы ж с тобой в Европе сидим. Да на хрена тебе эта Кошгара? Вали на пасеку! Там речка есть, а место там! А медовуха!..

Русинов не стал больше уточнять по поводу Кошгары, хотя заявление шофера обескуражило.

– Пожалуй, заеду! – сказал он. – Запаяю радиатор и махну.

– Только погрей сначала. – Он кивнул на паяльную лампу. – А то ишь соплей навешали!

– Халтурщики! – определенно бросил Русинов и отшвырнул сигарету: капсулу в бачок радиатора запаивал он сам.

После курева у шофера искривилась губа: хмель и табак наконец достигли нутра. Он радостно улыбался и благоговел.

– Ну, отдыхай, брат! – Он встал, потянулся с подвывом и дурашливым бегом направился к машине. – А мне еще две ходки!.. Эх, горы сверну!

Распаять было плевым делом – нагрел, и бачок отвалился сам, но с пайкой Русинов провозился часа полтора и снова навешал «соплей». Пока устанавливал радиатор, проверял, не течет ли, уже стемнело. А впереди была бессонная ночь. Чтобы извлечь кристалл из капсулы, требовались время, навык и осторожность, с которой обезвреживают мину, поставленную на неизвлекаемость. Прежде всего Русинов тщательно оттер накипь, выпавшую на капсулу в системе охлаждения двигателя, и промыл ее спиртом. Тяжелый стакан из нержавеющей стали был верхом инженерной мысли и изобретательности. Что-что, а прятать секреты в России иногда умели. Сначала следовало ввести в отверстие пластмассовый стерженек с желтой бляшкой на конце: это был код, по которому капсула «узнавала», что находится в хозяйских руках. Затем шла длительная операция набора цифр двенадцатизначного кодового числа. После каждого поворота кольца и совмещения определенной цифры с риской раздавался тончайший свист – вакуум втягивал воздух. Ровно через двадцать семь минут нужно было повернуть второе кольцо, потом через семнадцать – третье, и так все двенадцать штук. Секрет, видимо, состоял в постепенной разгерметизации капсулы, и если воздух поступал строго определенными порциями, то самоликвидатор кристалла отключался и открывался замок, после чего нижнюю

часть стакана можно было отвернуть. Сам кристалл был размером с фильтр сигареты, если новый, однако мог истончиться, растаять в земной атмосфере до толщины иглы, после чего уже не годился для работы. Это был очень твердый и на вид плотный материал серого цвета и металлического блеска, но легчайший по весу, так что плавал на воде, как высушенный рыбий пузырь, и оттого возникало ощущение, что он пустотелый. В капсуле он лежал в специальном ложе, прижатый сверху тремя винтами, которые оканчивались белыми мягкими присосками – миниатюрными пластиковыми минами, взрывающими кристалл при самоликвидации. Серый порошок после «самоубийства» истаявал на глазах...

Пока Русинов обезвреживал капсулу и выжидал время между поворотами колес, приготовил ореховую скорлупу, тщательно вычистил ее изнутри и устелил ватой – чем легче оболочка кристалла, чем меньше она экранирует, тем чувствительнее и тоньше его магия. К утру он извлек кристалл из капсулы, заклеил его в орех и зашил в шелковый лоскуток. А капсулу, это творение изобретательного ума, пришлось скрепя сердце забросить подальше в Колву, предотвратив взорвав мины самоликвидатора.

Кристалл «смутился», если рядом оказывалось железо, и потому Русинов отошел в лес и привязал его на нитке за толстый сосновый сук. Когда «орех» успокоился и, притянутый к земле магнитным потоком, замер, Русинов высвободил антенну радиомаяка и медленно поднес ее к кристаллу. Никакого эффекта! А он обязан был реагировать на магнитные колебания. Однако, когда Русинов нажал кнопку включения маяка, «орех» немедленно дрогнул и завибрировал. Спасательный сигнал шел толчками с перерывом в десять секунд. «Звонить» долго было опасно – чего доброго, засекут и прилетят спасатели! Русинов выключил прибор и, раздумывая, вдруг заметил, что кристалл задрожал. Его «беспокойство» длилось меньше секунды, но это означало, что сигнал все-таки идет!

Он встал на колени, чтобы удобнее наблюдать за кристаллом, и застыл в ожидании. Через пять минут – уж и руки затекли! – «орех» повторил свой «испуг». Сомнений не было: радиомаяк шпионил! Только подавал сигналы с большими паузами. Русинов достал его из кожаной оболочки и отключил питание. Однако пластмассовая коробка «стучала» и без батареек, видимо, имея еще и внутреннее, автономное питание. Он даже не стал испытывать радиомаяк без антенны – наверняка и это предусмотрено в «черном ящике»... Конверсией тут и не пахло! Такую штуку делали специально для подобных операций. Ведь, не имея специального приемника или такого кристалла, никак не проверишь, идет сигнал или нет.

Значит, турбюро – это «турбюро»! И пожарный – настоящий «пожарник»! Кто платит, тот и заказывает такую вот музыку...

Возможно, подобным образом следили не только за Русиновым, а за всеми «объектами», приезжающими побродить по Северному Уралу и полюбоваться природой. Девушки, не ведая, выдают под залог радиомаяки – может, не всем такие вот, может, есть и настоящие, видом такие же, но без начинки, конверсионные, – а «пожарники» дежурят возле приемников и рисуют маршруты. Вот это уже настоящая, профессиональная охрана региона, над которым витает «Валькирия»!

Все намного осложнялось. Следовало придумать экран для «шпиона», чтобы в самых необходимых случаях лишать его голоса. Может же Русинов на какое-то время пропадать в эфире, уходить из зоны радиовидимости! К тому же благодаря этой штуке можно устроить забавную игру со Службой: надолго оставлять ее на одном месте, а самому ходить куда вздумается, внезапно отключаться и появляться вновь уже в другом направлении, отводить глаза неожиданными возвращениями в Ныроб. Правда, это потребует времени, но собьет с толку фирму Савельева. А в том, что Служба работает на него, сомнений не оставалось.

Савельев был в общем-то неплохой парень и толковый специалист. Одно время Русинов даже хотел перетащить его в свою лабораторию, и если бы не начавшееся сокращение, теперешний владыка Северного Урала успел бы поработать по проекту «Валькирия». Его уво-

лили из Института при ликвидации вместе со всеми, и выходное пособие выплатили, и работу подыскивали хорошую, ибо до пенсии ему было еще, как медному котелку. А вот поди же ты! При воскресении «птицы Феникс» воскрес именно он, а не кто другой. И сразу «Валькирию» рассекретили, по сути, создав одноименную фирму. От кого теперь скрывать? Но зато вот организовали тотальную слежку за всеми приезжающими на Северный Урал, а значит, и на Приполярный. Конечно, проскочить мимо Службы можно при въезде, да ведь «пожарники» рыщут по горам – пожароопасный период! Поймают – последние штаны снимут. Придаться можно элементарно: заповедник, нарушение правил, оскорбление при исполнении служебных обязанностей.

Где-то в Чердыне, а может, и поближе, перед приемником сейчас сидел оператор и отмечал, что «объект» находится на берегу Колвы с такими-то координатами. А завтра к радиомаяку присобачат видеоглаз и станут не только слышать, но и подсматривать... Заткнуть «рот» радиомаяку можно было лишь свинцом! Однако, чтобы изготовить экран, всех припасенных грузил рыболовных снастей не хватило бы. Не переплавлять же аккумулятор! Тем более что гаишник сказал про их дороговизну. Поехал бы сейчас тот веселенький шофер на лесовозе. Налить ему стакан, наверняка мается с похмелья, – и свинцу бы было на гробницу фараона...

Русинов свернул опыты, запустил двигатель и отправился искать пасеку. Может, кроме медовухи и прекрасного места, и свинец найдется, а может, туда заскочит и шофер лесовоза, чтобы не трещала голова. Он отыскал поворот и потянул в гору по старой, захламленной сучьями и бревнами дороге. Похоже, здесь давно уже не возили лес, и проселок постепенно зарастал. На радиолокаторе у «пожарника» сигнал начал перемещаться, и в конце пути умная автоматика отобьет координаты. Глянув на карту, «пожарник» сбросит напряжение и потянется: медовуха нравилась и Службе...

Пасека оказалась не близко – в сорока километрах от реки, и место здесь действительно было прекрасное. Если бы не старые лесосеки, не рваная гусеницами земля и горы гниющих сучьев, сравнить эти ландшафты можно было лишь со знаменитыми швейцарскими. На взгорке, среди зарослей малинника, высилась большая, с рубленным двором изба, и возле на ухоженной площадке за высокой изгородью пасека – ульев на сто. В воздухе реяли пчелы, остро пахло свежескошенной травой и нектаром. Хотелось лечь на землю и лежать, раскинув руки, испытывая благодатный покой, как в детстве...

Русинов неожиданно вспомнил, что здесь, возможно, начинается площадь «перекрестка»! Озабоченный неукротимым радиомаяком, он как-то выпустил из виду, что движется в нужном направлении. И пасека здесь поставлена не зря! Пчелы и пчеловоды каким-то образом разбирались в магнитных линиях Земли, угадывали, на какое место из открытого космоса струятся благодать и безмятежный покой. Это было замечено Русиновым еще в Московской области, когда они испытывали прибор с кристаллом КХ-45, и требовало специального изучения.

Пасечника звали Петр Григорьевич Солдатов. Его нельзя было назвать стариком – смешливые и чуть шальные глаза смотрели молодо, с каким-то постоянным азартом, и зрачок левого отчего-то был сильно увеличен, почти до размеров зеницы. Седоватая курчавая борода и такие же волосы делали его похожим на доброго, веселого сказочника. От одинокого житья на благословенной горе Петр Григорьевич, видимо, и скучал, и испытывал наслаждение одновременно. Он жаловался на тоску и воспевал все вокруг; он тут же признался, что невероятно ленив от природы, однако ни секунды не сидел без дела. Едва Русинов заикнулся о свинце – мол, на рыбалку приехал, а грузила забыл дома, в Москве, – не гайки же привязывать! – пчеловод нырнул в темень огромного двора с повестью и вынес ему увесистый ком свинца – изоляцию от толстого кабеля, скрученного в рулон.

– А на-ка вот! Рыбак-рыбачок, моченый бычок! Может, и кадку под улов дать? – засмеялся, сразу располагая к себе.

Русинов размотал мягкий свинцовый рулон и обрадовался: прибор можно завернуть слоя в четыре-пять!

– Где остановился-то, мытарь? Поди, на Колве?

– Да пока нигде, – признался Русинов.

– На Колву не ходи, там в эту пору не клюет! – заявил Петр Григорьевич. – Вот на моей речонке – да! Скажу тебе по секрету – без рыбы не живу круглый год. Не смотри, что маленькая, внизу омут есть, хариуса хоть ведром черпай!

Это было приглашение в гости, и Русинов им тут же воспользовался. Обрадованный пчеловод – есть же еще люди, которые радуются чужим людям! – тут же побежал топить баню. Баня стояла на речонке, в отдалении, и Русинов сначала измерил силу магнитного поля – «орех» спокойно парил в воздухе. Когда лозоходцы в Институте впервые заклеили кристалл в скорлупу и отпустили его однажды без привязи в разряженном магнитном пространстве, то едва потом поймали. Это парение было обманчивым. Лишившись нитки и получив свободу, «орех» начинал перемещаться в пространстве, будто влекомый сквозняком, и на коротком отрезке мог набрать приличную скорость. Этот кристалл был Авегой в тридесять.

Так было сделано открытие, тоже никем не зафиксированное, – закономерности движения в пространстве шаровой молнии.

Русинов с оглядкой на баню привязал «орех» к изгороди, обмотал радиомаяк свинцовой пластиной, запечатал, замаял торцы и поднес к кристаллу. Сигнал еще проходил, но настолько слабый, что почти не возмущал чуткий «орех». Если бы еще немного свинца, и можно укротить «стукача» вообще. Русинов удовлетворенно спрятал кристалл в кулак, чтобы не вихлялся в воздухе, и повернулся к машине...

Петр Григорьевич стоял метрах в пятнадцати и с любопытством наблюдал. Увлеченный экспериментом, Русинов и не заметил, когда тут появился веселый хозяин пасеки.

– Ну что, как баня? – чтобы скрыть чувства, спросил Русинов.

– А через часик и натопится! – сообщил Петр Григорьевич, скрывая любопытство. – Летом-то быстро!

Русинов постарался незаметно убрать кристалл во внутренний карман куртки с замком-«молнией» и, не пряча радиомаяк, «забинтованный» свинцом, подошел к машине. Исчезать сейчас в эфире не имело смысла, и поэтому требовалось снять свинцовый экран. Пчеловод же не уходил – напротив, тянулся к гостю с разговорами.

– Надо бы перед баней перекусить, – проговорил Русинов. – На голодный желудок в парную нельзя.

– А вот я тебя ухой покормлю! – обрадовался Петр Григорьевич. – Вижу, ты на крупную рыбу собрался. У меня же мелконькая, зато уже в котелке! Пошли!

– Сейчас! – откликнулся Русинов. – Рюкзак только вытащу да белье чистое приготовлю...

Едва пасечник скрылся в избе, Русинов достал нож и разрезал свинцовый панцирь на две половины. Получился разъемный футляр, куда можно было вставить при нужде злополучного «стукача»...

Только бы узнать, что видел, точнее, что успел увидеть глазастый пчеловод и на какую крупную рыбу намекал?

6

Русинов вошел в крытый двор, поднялся по ступеням – изба стояла на высоком подклете – и, оглянувшись на широченную повесть, слегка обомлел. У дверей завозни стоял новенький ярко-оранжевый дельтаплан с двигателем за пилотской кабиной. Вещь эта была здесь неуместной, нереальной, существующей автономно от дома и его хозяина. Русинов не удержался и подошел пощупать. Красивый профиль крыла по размаху в аккурат соответствовал размеру двери, видимо, недавно расширенной. Мягкое сиденье в люльке-кабине рассчитано на двух человек и настолько притягивало, что хотелось забраться и посидеть под этим солнечным полотнищем над головой.

– Ты, случайно, летать на нем не умеешь? – Петр Григорьевич появился опять неожиданно.

– Нет, не умею, – признался Русинов.

– Жалко... Кто ни приедет – все не умеют, – пожаловался он. – Купил вот, теперь стоит. А ребята не скоро приедут...

– Какие ребята?

– Да те, что обещали летать научить! Сам попробовал зимой – взлетать взлетаю, а сесть не могу. Чуть крыло не сломал, стойку вон погнул слегка.

– Сколько же стоит такая игрушка? – спросил Русинов.

– А! – отмахнулся тот. – Две с половиной тысячи зелеными, недорого. Машина нынче дороже. Мою машину видел?

– Нет!

– Внизу там, во дворе, стоит, – пасечник постучал сапогом по полу, – «патруль-ниссан» называется...

– «Патрол-ниссан»?

– Или так как-то, – отмахнулся он и засмеялся счастливо. – Знаешь, сколько отдал? Тридцать пять! И тысячу, чтоб ко мне сюда пригнали. Во как!

– Ну?!

– Да, рыбачок! Зато теперь красота!

– Ты, Петр Григорьевич, миллионер! – похвалил Русинов без всякого умысла. – Богато живешь!

– Если ограбить собрался, так предупреждаю: ничего не получится, – весело предупредил он. – Пробовали уже...

– Бог с тобой, Петр Григорьевич! – смутился Русинов. – Я не грабитель.

– А что ты там у забора мараковал? – вдруг с хитринкой спросил пчеловод. – Что за хреновину проверял?

– У забора?

– Ну, у забора. Пока я в бане был.

– А! Удочку делал! – будто бы вспомнил Русинов.

– Интересная удочка...

– Я тебе потом покажу, – пообещал Русинов. – На крупную рыбу. Новейшее изобретение. Запатентовано в семидесяти странах мира. Магнитная.

– А наживка какая?

– Грецкие орехи.

Петр Григорьевич пожевал губами, пощупился, ломая мохнатые брови, и рассмеялся:

– Да! Чудес на свете много навывдумывали! Вот, например, самолет. Железяка, а летает!

– Зачем тебе самолет? – не скрывая удивления, спросил Русинов.

– Как зачем? Зимой за хлебом летать! – Он приобнял гостя и повлек к двери избы. – Пошли, ухи похлебаешь. Из хариуса! Час туда, час назад, и я на неделю с хлебом. Свой-то я не пеку, лень.

Изда Петра Григорьевича представляла собой музей или выставку декоративного и прикладного творчества. Этот человек, словно истосковавшись смертельной тоской по работе, неумоимо выстругивал, вырезал, вытачивал что-то: помещение было уставлено деревянными скульптурами и столбами самой невероятной конфигурации и формы. На стенах висели какие-то странные маски-коряги анфас и в профиль. Из корней он вырезал кроны деревьев, а из витых, скрученных в спирали колец или вообще клубков он делал причудливых змей. Больше всего притягивали внимание и возбуждали воображение столбы, лес столбов! В каждом уместались все стили – от классики до модерна. Петр Григорьевич словно задался целью разрушить всякую школу и форму, лишить их внутренней гармонии, симметрии и смысла, наполнив динамикой и стихией. Он творил во имя творчества, создавал во имя удовлетворения своего порыва. Однако странным образом в этом нагромождении и хаосе возникала какая-то особенная, стихийная сила гармонии, никогда не виданной и будоражащей воображение. Его творчество не укладывалось ни в какие каноны, но оно было каким-то древним, словно из сказки либо сна-откровения. Посредине избы стоял незаконченный столбик, который словно вырос из двухметрового бревна и кучи щепок. Из всех инструментов у него было полуразбитое долото, топор без топорща и молоток.

Петр Григорьевич усадил гостя за стол, где дымилась в миске золотистая уха. На белой скатерти все приборы и причиндалы были деревянные, сделанные с любовью и старанием. Сам же встал к столбу и уже застучал, брызгая щепой.

Над деревянной кроватью во всю стену висел настоящий шедевр: ковер из огромной растянутой и выделанной бычьей шкуры. На золотистой коже тончайшими сыромятными ремешками был вышит осенний уральский пейзаж. Русинов специально подошел поближе, чтобы посмотреть, не написан ли он маслом. Нет! Он был выполнен шитьем, с поразительным вкусом и чувством материала.

А Петр Григорьевич между тем стучал молотком и балагурил. Он как бы пропускал мимо интерес и удивление Русинова, а может быть, привык к этому.

– Ты пока перекуси. Уха – легкая пища. А потом мы с тобой накроем стол и посидим как следует. Я тебя медовушкой угощу. Такой ты сроду не пивал. И мы с тобой поговорим всласть. Я хоть и один живу, а без людей не могу. Вот скоро опять ребята наедут!

– Какие ребята? – между делом спросил Русинов, хлебая уху.

– А всякие! Их сюда медом тянет! – засмеялся. – Рыбаки, туристы, скалолазы. И тарелочники опять приедут!

– Тарелочники?

– Ага! Они в горах неопознанные объекты опознают! Тут у нас их много всяких летает, – с удовольствием объяснил пчеловод. – Обещали и меня научить летать, я уж и взлетно-посадочную площадку подготовил. Аэродром! И эти приедут, снеговики. Которые снежного человека караулят. В прошлом году так сфотографировали даже. Здоровый мужик, метра три будет, волосатый, а на лицо – дитя дитем.

– И снежный человек у вас есть? – полушутя спросил Русинов.

– А! Кого тут только нет! – отмахнулся ваятель. – Всякой твари по паре. Ноев ковчег, да и все! Место такое! Ты вот говоришь, миллионер я... А я ведь копейки не зарабатываю, пчелы кормят. Они же у меня видел какого размера?

– Не видел...

– Посмотри!.. Они же – во! В полпальца, как шершни, – показал Петр Григорьевич. – Их ни ветер, ни мороз не берет. Кругом пчела квелая, болезненная, а у меня – хоть бы что.

Сколько она за раз меда тащит? А-а!.. В пять раз больше, чем простая. Если бы я стал мед сливать в свою речку – до Камы бы воду подсластил! Пей – не хочу!

Через час пчеловод повел его в баню – крепкую, из толстенных бревен. Берендеевский теремок, а не баня!

– Сам рубил? – спросил Русинов.

– А то!.. Заходи!

В бане стоял огненный зной, огромная каменка исходила жаром. Русинов париться любил и в бане толк знал. Сели на полок потеть, Петр Григорьевич не унимался с рассказами. Видимо, он был выдумщик, фантазер и умопомрачительный романтик; все это чудесным образом уживалось в нем с практичностью, мастеровитостью и рассудительностью. Он и в бане-то без работы сидеть не мог – перевязал потуже распаренный веник, спохватившись, вычистил, выскоблил и отмыл широченную лавку, и так чистую, желтую, словно покрытую воском.

– А ты родом-то откуда? – спросил Русинов.

– Родом? Нет! – засмеялся он. – Я из-за хребта родом, из Красноярского края. Здесь только двенадцатый год. Пришел на это место, упал в траву и сразу решил – буду здесь жить. Сколько времени потерял зря! В Казахстане пятнадцать лет ни за что ни про что. Поездил я по земле, да... За двадцать лет актерской жизни сменил двадцать театров!

– Ты что же, Петр Григорьевич, актер, что ли? – удивился Русинов.

– Был актер, – вздохнул он. – В кино снимался... Не видел меня в кино? «Дубровский», «Железный мост», «На семи ветрах»?

– Нет, – смутился Русинов, стараясь припомнить, видел ли такие фильмы, не вспомнил...

– И хорошо, что нет, – обрадовался Петр Григорьевич. – А то меня узнают, а мне так стыдно становится. Чем я занимался? Эх!..

Они парились с остервенением, лихостью и заводным азартом. Жар перехватывал дыхание – он говорил; ледяная вода в реке останавливала сердце – он говорил! Из сказочника-простака он превращался в философа, тонкого знатока психологии, творческой природы человека. А после бани и богатого стола с медовухой Петр Григорьевич вдруг принес гитару и запел песни собственного сочинения.

– Хочешь, про твою Москву спою? – вдруг спросил он. – Зимой в Москву ездил и сочинил потом.

У Русинова надолго застряла строчка из этой песни – «Ну что с тобой, сударыня Москва?»...

Наутро он проснулся от разговоров за окном: Петр Григорьевич опохмелял шофера лесовоза. За один неполный день этот пчеловод, актер и философ окончательно его покорила, однако на трезвую голову Русинов вспомнил, что не отдыхать сюда приехал, не рассказы слушать и наслаждаться общением. Надо было работать – определить границы площади «перекрестка», отыскать ее центр и таким образом определить очертания древнего арийского города. По предположению Русинова, кольцевой город не мог выходить за бережный круг размагниченного пространства. Возможно, за его пределы изгонялись нарушители закона, изгои, и отсюда произошла традиция выселок, когда из общины убивали пьяниц, дебоширов и бездельников.

Лишь после рекогносцировки местности можно было начинать раскопки, чтобы подсесть похороненный под мореной культурный слой. Если выводы не подтвердятся, придется уезжать из этого благодатного места, искать дорогу к истокам Печоры: следующий мощный «перекресток» был в том районе. И так до осени, до встречи Инги Чурбановой и Данилы-мастера.

Когда-то еще в шестидесятых годах Институт отказался от идеи поиска кладов методом «тыка». В какой-то степени этому способствовал Цимлянск, где была проведена теоретическая подготовка. Искать вслепую считалось непрофессиональным делом, хотя в Институте оставался сектор «Опричина», который занимался поиском библиотеки и сокровищ Ивана

Грозного и работал «старым казачьим способом». Прежде всего следовало доказать существование самих сокровищ, просеять всю полулегендарную информацию, найти прямые и косвенные доказательства возможностей и причин, благодаря которым те или иные ценности могли оказаться в земле, под водой, в пещере. Кроме того, выявить, каким способом добывались, за счет чего накапливались и в каких примерно размерах могли быть эти сокровища у конкретного лица, общины, народа. По проекту «Валькирия» лаборатория Русинова занималась геофизическими исследованиями определенных перспективных территорий не на предмет выявления клада, а как раз для того, чтобы доказать существование центров арийской культуры на Северном и Приполярном Урале.

Теперь Русинову предстояло по резко сокращенной программе доделать то, что не успел в Институте. Если на склонах и в долинах Уральского хребта существовали города, материальные остатки которых он и искал, то, значит, существовали и «сокровища Вар-Вар». Они могли состоять из священных атрибутов храмов солнца – Ра, где использовались золото и самоцветы. Этот желтый, солнечный металл почитался у ариев как дар Ра и не использовался в качестве денег либо платы в торговле. А украшения из золота были только ритуальными и не могли быть предметом богатства и состояния. Единственным местом, куда можно было перенести храмы солнца, были многочисленные пещеры. В этом слове явственно слышалось сочетание двух слов: «печь» и «Ра» – «солнечная печь», что наталкивало на мысль о подземных храмах, и, возможно, река Печора вытекала из подобных каменных Чертогов.

В первый свой маршрут Русинов вышел налегке, с кристаллом и небольшой саперной лопаткой. «Земная» территория «перекрестка» представляла собой старую вырубку уступчатого и некрутого склона, разрезанную почти пополам небольшой горной речкой – притоком реки Березовой. Петру Григорьевичу он сказал, что пошел просто побродить и посмотреть места и потому рыболовных принадлежностей не берет. Пчеловод, как всегда, занимался делом: устанавливал возле бани огромный бак, сваренный из нержавеющей стали.

– Давай, давай, рыбачок, присматривайся! – весело отозвался он. – Оглядеться – первое дело!

«Перекресток» оказался не таким большим, как предполагал Русинов, и имел форму эллипса, вытянутого вдоль хребта, в меридиональном направлении, размерами полтора на два с половиной километра. Однако на такой площади мог вполне разместиться город. Магниторазряженное пространство имело свои внутренние законы: от периферии к центру происходило гравитационное сжатие, отмечаемое гравитационной съемкой. Визуально это можно было определить по растительному покрову – мхи и травы росли кругами, образуя сферические кольца, которые в народе называли «ведьмиными кругами». На спилах же деревьев годовые кольца расширялись не с южной стороны, а с той, которая была обращена к центру «перекрестка», и древесина обычно была на редкость колкой и прямослойной. Кроме того, было замечено, что медведь практически всегда выбирает место для берлоги в немагнитном пространстве, однако никогда не ложится в центре, а ближе к краю.

Самый же центр «перекрестка», как и бывает при гравитационном сжатии, выделял тепловую энергию. Здесь обычно очень бурно росла трава – чаще всего крапива выше человеческого роста, а зимой земля не промерзала. Но ни разу Русинов не видел в центре «перекрестка» деревьев либо высоких кустарников. И нельзя было долгое время находиться в центре, тем более ночевать: от легкого, какого-то восторженного состояния начиналось головокружение, шла носом кровь и даже случались обмороки, словно от теплового удара, хотя на ощупь земля была как везде. Оказавшись надолго в таком месте, люди обычно считали, что они перегрелись на солнце, нанюхались какой-то травы или просто переутомились.

Отмечая приметы «перекрестка», Русинов прошел его вдоль и поперек, а затем полукругом, стараясь засечь центр. Земля была изорвана гусеницами трелевочных тракторов, завалена сучьями, брошенными деревьями. Множество старых пней торчали вровень с кустами малины

– лес рубили зимой. Понять, разобраться в «ведьминых кругах» было невозможно: нормальное развитие растений было нарушено. Лишь к вечеру среди этих завалов и зарослей он отыскал крапивный пяточок и неожиданно обнаружил, что это была когда-то глубокая и обрушившаяся яма. Вытащенные со дна ее валуны давно уже вросли в землю и замшели. Стараясь не обжечься, он спустился вниз: морена оплыла, однако яма и до сих пор была в полтора человеческих роста. Кто ее выкопал? Зачем? И именно тут, в самом центре «перекрестка»? Неужели уже кто-то пробовал делать раскопки? Но ведь бессмысленно копать здесь, когда рядом речка, промывшая морену до коренных пород. Легче всего сделать там расчистку обнажения и посмотреть разрез.

Раздумывая над этим, Русинов вернулся на пасеку, но решил пока ни о чем не спрашивать Петра Григорьевича, чтобы не возбуждать его интерес. Он заметил, что хозяин пасеки хлопочет у бани и что-то варит в огромном чане из нержавеющей стали, под которым тлеют угли и курится дымок. Русинов спрятал кристалл, бросил лопатку и пошел к Петру Григорьевичу.

– А-а! – обрадовался тот. – Рыбак-рыбачок! Вот, наверное, проголодался!

– Ты не уху ли варишь? – засмеялся Русинов, кивая на чан.

– Уху? – развеселился пчеловод. – Пожалуй, верно, уху! Из него можно такую уху сварить! И солить не надо!

Русинов подошел к чану и заглянул через край: на топчане, по горло в каком-то буроватом отваре лежал человек – мужчина лет шестидесяти. Он был острижен наголо, болезненное, изможденное лицо, глаза прикрыты темными очками. Русинов по одному торчащему из воды колену и руке определил, что человек болен какой-то болезнью, поражающей суставы, возможно полиартритом.

– Не знал, что ты еще и врачеватель, – проговорил Русинов. – На все руки мастер...

Его поразило лицо человека в чане – белое, словно безжизненное. Лишь губы выделялись да слегка алели вздутые от тяжелого дыхания ноздри. Что-то знакомое было в этом лице! Если бы не эти черные очки, Русинов бы, возможно, признал его.

– Вот, попользовать привезли, – сказал Петр Григорьевич, пошевеливая угли под чаном. – Совсем пропадает человек, а больницы не принимают.

– Пить, – попросил человек и слегка пошевелился.

– А, пермяк – солены уши, ожил! – обрадовался пчеловод и налил из двухведерной бутылки воды в кружку и подал. Больной потянулся рукой с узловатыми пальцами, но мимо кружки. Он был слепой! Петр Григорьевич вложил ему кружку в ладонь.

– Ну, ты лежи, отмокай... А я пойду рыбака покормлю!

«Пермяк» ничего не ответил, осторожно глотая воду.

– Не суетитесь, Григорьевич, – остановил его Русинов. – Я сам...

– Сам так сам! – согласился тот. – Борщ в печи горячий, а медовуха в закуске. Выпей с устатку-то! Вон как нарыбачился!

– Да я не устал...

– Вижу, не устал. Ноги едва волочишь.

Русинов прошел в избу, достал из печи чугунок – от запаха потекли слюнки. Петр Григорьевич обычно готовил на улице, где стояла летняя печь под навесом, а тут, в жару, зачем-то протопил русскую печь в избе, и теперь от нее полыхало жаром. Пришлось открыть окно и двери, завешенные марлей. Русинов сунулся в корзину с крышкой, где пчеловод держал хлеб, и обнаружил свежий, еще теплый каравай, выпеченный на поду. А говорил, лень хлеб печь! Он сел за стол в предвкушении крепкого обеда – аппетит в экспедициях всегда был хороший, – и тут выяснилось, что борщ и хлеб совершенно несоленые. Пчеловод мог оплошать с борщом, но почему же не посолил тесто? Русинов потянулся за солью и в это мгновение вспомнил Авегу.

Он ел несоленую пищу! И теперь пчеловод специально варил и пек без соли для незнакомца, отмокающего в чане с отваром. Да ведь он чем-то похож на Авегу! Такое же мужественное и мудрое спокойствие в лице, разве что утомлен болью, болезнью. И слепота...

Авега имел очень острое зрение, однако у него было заболевание суставов, отложение солей!

Русинов мгновенно потерял аппетит. Через силу он похлебал борща, присолив его, выпил холодного чая – некогда самовар греть! – и пошел к бане. Привезти сюда слепого человека мог лишь шофер лесовоза – другой машины за весь день не было на дороге, а сам он прийти сюда не мог. Откуда же его привезли?

Петр Григорьевич хлопотал возле пустого чана – смывал остатки отвара чистой водой. Топчан, который устанавливался на дне чана, сушился у стены бани. самого больного нигде не было видно.

– Ну что, ушел несолоно хлебавши? – засмеялся пчеловод. – Забыл предупредить, что нынче у нас обед несоленый, диетический.

– Ничего! – отмахнулся Русинов, делая вид сытого человека. – Я и диетический умял...

Он поставил кружку на лавочку и взял бутылку с водой.

– Черпай вон из ведра, – посоветовал Петр Григорьевич. – Ты эту воду пить не станешь.

– А что?

– Дистиллированная! Тоже диетическая.

Русинов напился из ведра, присел, с удовольствием вытянув ноги.

– Может, помощь нужна? – спросил он. – Я врач, так что не стесняйся, говори.

– Чем ему поможешь? – вздохнул Петр Григорьевич. – Сорок лет соль рубил, просолен вон – в чану вода аж горькая после него.

– Шахтер?

– Да... Тут у всех одна болезнь. Соляные копи кругом, солеварни... Вот и грызет суставы. Как поход твой? Посмотрел?

– А что с глазами-то? – будто между прочим спросил Русинов.

– Вроде катаракта, сказал... Ослеп... Красивые у нас места!

Он отвечал неохотно: чувствовалось, пытается уйти от подобных разговоров, и Русинов подыграл ему:

– Места – слов нет! Хоть оставайся и живи.

Слепой скорее всего был в бане – деваться тут больше некуда, однако Русинов никак не мог найти причины, чтобы войти туда либо, напротив, выманить его на улицу.

– Пожалуй, я палатку сегодня поставлю, – сказал он. – Вон там, на горке.

– Что так? – озабоченно спросил пчеловод. – В избе-то лучше.

– Жарко, – признался Русинов. – Да и печь сегодня натоплена... Мне в палатке привычнее, свежий воздух...

– Ну, смотри, – сдержанно проронил Петр Григорьевич. – Жар костей не ломит...

– Да и больной же у тебя, – добавил Русинов. – Неловко место занимать.

– Больному место найдем, – неопределенно заметил пчеловод. – А ты иди под крышу.

Вдруг ночью дождь или что...

– Мне дождь – не помеха! – засмеялся Русинов. – Ты посмотри на мою палатку!

Он понял, что путает какие-то планы пчеловода, и тем более решил спать на свежем воздухе: надо прояснить обстановку, узнать, что за «пермяк» поселился на пасеке. Палатка у него действительно была надежная – с надувным полом и крышей из прорезиненной ткани. Зато стенки в летнем варианте – легкие, сетчатые. Он установил ее на взгорке, чуть выше избы, откуда хорошо просматривались баня и речка, перегнал туда же машину и расположился на ночлег. Было уже темно, а пчеловод все еще хлопотал по хозяйству – подтапливал баню, отнес туда белье, потом ловил пчел возле летков и, похоже, пользовал «пермяка» ядом. Угломился лишь к полуночи, оставив больного в бане. Две лайки, мирные и лохматые, тоже побежали по косогорам и спрятались в подклете. Русинов вставил в прибор ночного видения свежий аккумулятор и тихо выбрался из палатки. Ночь была светлая, но лес и густой подлесок чер-

нили землю. На чистых луговинах скрипели коростели, в прибрежных кустах бесконечно пели птицы, голоса которых было не различить в хоре, и где-то далеко, в молодых сосняках, трещал одинокий козодой. Трава была еще горячей, а в воздухе остро и повсеместно пахло нектаром. Окольным путем Русинов приблизился к бане и затаился возле берега. Внизу журчала вода, и позванивали редкие комары над ухом.

Русинов сидел возле бани уже около часа, когда неожиданно заметил Петра Григорьевича. Он неслышно вышел из дома и шел к его палатке: наблюдать за ним можно было и без прибора – на взгорке хватало света. Вот остановился возле машины, потом склонился к сетчатой стенке палатки и долго слушал, затем распахнул вход... Не прост был старый киноактер и философ! Прежде чем сделать какое-то свое дело, проверил, где гость. А гостя нет! Потому и не хотел отпускать из избы... Русинов неслышно отошел в темноту кустов и затаился, потому что Петр Григорьевич направился к бане. Остановился у чана, огляделся, негромко посвистел и снова прислушался. На свист прибежали собаки, завертелись у ног, а одна вдруг насторожилась, обернувшись к кустам, под которыми сидел Русинов. Пчеловод погладил ее, приласкал, пробормотал что-то и сунулся в баню.

– Ну, жив, пермяк – солены уши? – громко спросил он. В ответ послышался тихий, неразборчивый голос. Лайка подбежала к Русинову и заластилась – эти собаки, похоже, любили всех встречающих-поперечных, лишь бы был человек.

– Потерпи, брат, потерпи, – доносился голос пчеловода. – Через недельку полегчает...

Скоро он свистнул собак и направился к дому. По пути как бы мимоходом сдернул с веревки большое махровое полотенце, что вечером повесил сушить, однако, взойдя на крыльцо, бросил его на перила. Стукнула дверь, и все смолкло. Можно было выходить из укрытия, ничего интересного уже не будет. Смущало лишь это его последнее действие с полотенцем. Зачем снимать с веревки, если оно наверняка не просохло? Вроде бы мелочь, случайность, но что-то в этом было. Русинов осторожно прокрался к крыльцу и пощупал полотенце – мокрое! Хозяйственный пчеловод совершил очень не хозяйственный поступок, и требовалось немедленно это исправить. Русинов аккуратно развесил его на веревку, точно туда, где оно висело, затем отнес прибор в палатку и вернулся в дом. На цыпочках он вошел в избу, почесываясь, стянул куртку.

– Что, рыбачок, заели? – из темноты спросил пчеловод.

– Ну вот, разбудил, – пожалел Русинов. – Заели – не то слово. Дыра у меня там в углу! Комаров налетело!..

– Я тебе говорил! – назидательно сказал Петр Григорьевич. – Давай ложись, романтик...

Русинов лег в постель, блаженно вздохнул, проговорил, засыпая:

– Сейчас бродил вдоль речки... Птицы поют! И правда, век бы жил.

В избе было душновато, хотя от окон сквозь марлю тихо струился насыщенный запахом нектара воздух. Петр Григорьевич спал за перегородкой, и его дыхание умиротворяло, навевало сон. Русинов встряхивал головой, драл глаза и задерживал дыхание, чтобы отогнать дрему. Прошел час, кажется, на улице начинало светлеть, и темные столбы, маски на стенах словно оживали. Причудливая резьба в сумраке отчего-то наполнялась таинственным смыслом, и эти столбы напоминали живых существ: возникало полное ощущение, что они шевелятся, двигаются по избе, меняясь местами. А когда и вовсе пошли хороводом, Русинов понял, что засыпает, и до боли прикусил палец.

Петр Григорьевич торопливо надевал сапоги. Видно было, что растерян, захвачен врасплох и перед этим крепко спал. Он лишь мельком заглянул за перегородку и на цыпочках вышел из избы. Когда отворилась наружная дверь, Русинов вскочил, бросился сначала к окну: за хребтом уже светило солнце, но здесь, на западном склоне, было еще сумеречно. Пчеловод

сбежал с крыльца и заспешил к бане. И вдруг остановился возле бельевых веревок, сдернул полотенце, скомкал и швырнул его в траву! Все-таки это был сигнал! Но кому?

Русинов перебежал к другому окну и четко различил человека, стоящего на тропинке между избой и баней. Вот они встретились, пожали друг другу руки, и сразу же началось какое-то объяснение: похоже, хозяин пасеки оправдывался перед ночным гостем, показывал на бельевые веревки, на избу. Тот же говорил ему мало и резко – услышать бы что! На какой-то миг он обернулся в сторону окон, и Русинов рассмотрел бородатое, темное в сумерках лицо. Эх, чуть бы побольше света!.. Гость прервал разговор и решительно двинулся к реке. Петр Григорьевич виновато последовал за ним и на ходу все что-то говорил, размахивая руками. Едва они скрылись в бане, как Русинов выбежал во двор и через ворота завозни вышел на улицу. Огибая огороженную пасеку, он добрался до речки и оттуда, берегом, пробрался к бане. Пчеловод с гостем находились там, доносился их приглушенный говор, но не разобрать ни слова! К окну же подходить опасно: будучи застигнутым тут, никак не объяснишь своего появления и на комаров не свалишь...

Минут через двадцать они вышли из предбанника, и Русинов наконец увидел гостя... Расстояние было всего метра четыре, и ошибиться он не мог, ибо очень хорошо помнил это лицо по фотографиям: русая, слегка волнистая борода, глубоко посаженные глаза под светлыми, чуть нависшими бровями. И возраст подходил – лет тридцать пять...

Это был один из пропавших разведчиков. Несколько лет после семьдесят восьмого года фотографию этого человека Русинов носил в кармане, чтобы при случае показывать местным жителям для опознания. По документам прикрытия его звали Виталий Раздлогин.

Он затаил дыхание: только ради одной такой встречи стоило нынче отправляться в экспедицию!

– Плохи дела, – проронил Раздлогин и попил воды из ведра.

– Ничего, поправим, – с готовностью откликнулся пчеловод. – Не таких вытаскивали...

Они пошли вниз по речке, где была хорошо набитая тропа к заповедному рыбному плесу Петра Григорьевича. Русинов расслабился и утер лицо. После напряжения зазвенело в ушах: было то тихое на земле время, когда уснули ночные птицы, но не проснулись еще дневные. Можно было возвращаться в избу, чтобы обдумать положение и спокойно разобраться со своими мыслями и чувствами. Русинов пошел было назад своим окольным путем, однако услышал, как стукнула банная дверь.

Опираясь на палку, из предбанника вышел больной «пермяк». Он был в своих темных, непроглядных очках и большом махровом халате, наброшенном на плечи. Ноги и туловище обернуты прополисными полосками, плохо гнущимися и шуршащими при каждом движении. «Пермяк» отставил палку и, взявшись за край чана, стал медленно, с трудом приседать. Потом попробовал отжаться на руках – не хватило сил...

Судя по его поведению, он все видел! Вот безошибочно потянулся и взял палку, вот вышел на берег речки и, не ощупывая впереди себя путь, точно остановился на краю обрыва.

Русинов неслышно отошел к пасечной изгороди и, последний раз взглянув на «пермяка», двинулся к избе.

«Пермяк» стоял лицом к Уральскому хребту в знакомой позе ожидания солнца. Каждое утро точно так же встречал его Авега...

7

Весь восемьдесят первый год Русинов прожил вместе с Авегой в его институтской квартире, за колючей проволокой, с единственной целью – проникнуть в мир этого странного человека. На это время из стен и потолков убрали сначала всевидящие телевизионные «глаза», а затем и «уши». Русинову было позволено выходить с территории Института и гулять с Авегой где вздумается без всякой охраны и наблюдения. И лишь поездки на автомобиле следовало согласовывать с руководством. Правда, за все эти свободы с Русинова требовали ежедневного письменного отчета, что он и составлял по ночам в своей комнате.

Жизнь под одной крышей давала очень много бытового материала, зачастую интересного с точки зрения психики и психологии личности, скрупулезные наблюдения за поведением помогали нарисовать его портрет, однако лишь внешний, в большинстве случаев не имеющий никакой связи с внутренней жизнью Авеги. Иные необъяснимые и непредсказуемые его действия и поступки вводили в заблуждение, напрочь смазывая уже выстроенные концепции. В общем зале квартиры стоял черно-белый телевизор, который Русинов практически не включал, поскольку Авега не терпел голубого экрана и сразу же удалялся в свою комнату. Когда же его заменили на цветной, причем хороший, японского производства, Авега не отходил от телевизора четыре дня.

Особенно ему нравились передачи о природе типа «В мире животных». Русинов немедленно заказал видеомэгнитофон и годовую подборку этих передач. Но через несколько просмотров Авега внезапно встал среди фильма, ушел и после этого вообще стал игнорировать телевизор.

А фильм был о жизни обезьян в зоопарке, о знаменитом Сухумском обезьяннике.

В другой раз на журнальный столик в зале Русинов поставил золотую чашу – братину пятнадцатого века великолепной сохранности и работы, полученную для этой цели из Алмазного фонда. Авега мгновенно заметил ее и проявил интерес – бережно разглядывал, держа на ладонях, оглаживал чеканный узор на стенках, и глаза его сияли от восторга. Тогда же решено было устроить ему экскурсию в запасники Алмазного фонда. Его ввели в зал, специально устроили экспозицию сокровищ, от которых бы у нормального человека закружилась голова, ибо мало кому доводилось видеть подобные чудеса. Авега с равнодушным видом прошествовал мимо открытых витрин и задержался лишь возле набора височных золотых колец из какого-то кургана, и то на мгновение. Обилие золота его не волновало абсолютно, и даже на замедленных кадрах, снятых скрытой камерой, невозможно было заметить каких-то необычных его чувств. Это можно было расценивать двояко: либо он привычен к сокровищам, либо они для Авеги не представляют ценности. Но как же братина, вызвавшая у него восторг?

За время совместной жизни с Авегой было запланировано провести целую серию экспериментов – он должен был на что-то откликнуться, как когда-то откликнулся на картины художника Константина Васильева. В конце года предполагалась поездка Русинова с Авегой в Индию, на реку Ганг, куда так стремился «знающий пути». Однако тут вышло какое-то странное недоразумение. Документы оформлялись заранее – Авеге выправили зарубежный паспорт на его настоящее имя и из предосторожности сбавили возраст на тридцать два года: ему невозможно было дать девяносто лет. И вдруг пришел отказ в выдаче визы якобы из-за неправильно оформленных документов. Служба, привыкшая со своей колокольни судить обо всем, поняла свою ошибку и тут же совершила следующую, выписав ему новый паспорт с настоящей датой рождения. Таким образом, к личности Авеги было приковано внимание индийской Службы. Она долго тянула с выдачей визы, и не помогали переговоры даже на высоком уровне. Скоро вновь пришел отказ без объяснения причин. В то время отношения между СССР и Индией были прекрасными, и выяснить, в чем тут дело, особого труда не представляло. Однако минуло

около двух лет, прежде чем Службе удалось узнать, что виза для Владимира Ивановича Соколова не выдана по причине несоответствия личности на фотографии в документах с именем. Индийской Службе безопасности этот человек был известен под именем «Авега» и дважды задерживался на территории страны как человек без гражданства. Первый раз он был освобожден под крупный залог, внесенный известным политическим лидером, после чего бесследно исчез. Во второй раз Авега был освобожден по поручению Джавахарлала Неру и доставлен в его резиденцию. Последующая судьба странного человека без паспорта и Службе была неизвестна. Кроме того, индийская Служба безопасности не подозревала, что Авега – русский, поскольку свободно владел хинди, разве что с легким английским акцентом, что послужило причиной отнести его к выходцам из Англии либо Америки. Как он попадал на территорию Индии и как потом покидал ее, оставалось загадкой.

Эта неожиданная информация стала известна лишь в восемьдесят третьем, а тогда, в восемьдесят первом, после неудачи с получением визы, Русинов готовился к одному из главных экспериментов – досконально пронаблюдать состояние Авеги во время полного солнечного затмения. Единственное, на что он живо и с восторгом отзывался каждый день, был восход солнца. Встретив его своим «ура!», он как бы на целый день наполнялся терпением и спокойствием. И напротив, если случался пасмурный день с раннего утра, Авега исполнял свой обряд, однако в его поведении ощущалась какая-то неуверенность, он терял аппетит и позволял себе съесть завтрак не пресный, как обычно, а слегка подсоленный. К соли у него было какое-то бережное, щепетильное отношение. Он мог высыпать солонку себе на ладонь и долго ворожить над солью, осторожно перебирая пальцем, или пересыпать из руки в руку, любясь стружкой. Когда Русинов заметил, что Авега употребляет соль лишь в пасмурные дни, причем ритуально, его впервые осенило, что «солнце» и «соль» – однокоренные слова и означают одно и то же! Пресно, если день без солнца и пища без соли. В ненастные дни Авега как бы восполнял солью недостаток солнца и тем самым ставил рядом две эти простые и привычные вещи. А было ли еще что-то в мире важнее их?! Соль в мироощущении Авеги была земным воплощением солнца. Пусто и мрачно небо без солнца, а земля – без соли. И не потому ли у нас сохранился атавизм прошлого отношения к этим предметам – поверье, что рассыпанная соль ведет к ссоре и несчастью?

Задолго до солнечного затмения Авега начал проявлять беспокойство. Он мог знать о грядущем космическом явлении, – возможно, в какой-нибудь телепередаче проскочило сообщение, но навряд ли знал точную дату и время. Для чистоты эксперимента Русинов запросил содержание всех передач, которые смотрел Авега, и выяснилось, что ни в одной не назывался час затмения, хотя упоминалось не единожды. И вот за три дня до срока – была весна, дни стояли солнечные – Авега за завтраком начал солить пищу, а вечером, отказываясь от еды, насыпал на ладонь щепотку соли и благоговейно слизывал. Дважды в сутки – после восхода и захода солнца – Русинов измерял давление, пульс и температуру. Состояние здоровья Авеги резко ухудшалось: отчетливо прослушивалась аритмия сердца, и медленно росло давление, которое раньше соответствовало возрасту тридцатилетнего человека. Он почти непрерывно массирует себе лоб и спинку носа. На долгих прогулках по весеннему лесу Авега часто останавливался, с тревогой смотрел в небо и неожиданно начинал «блудить» по знакомым местам. Он словно забывал свои строго определенные пути и чаще всего брел не разбирая дороги, а опомнившись, подолгу озирался, неуверенно тыкался по сторонам, выписывая зигзаги. Накануне затмения, вечером, у него началась одышка со спазматическим кашлем, поэтому врач-кардиолог с аппаратурой и необходимыми медикаментами дежурил за дверью. Авега лег в постель, и Русинов остался возле него, в темноте, поскольку «знающий пути» жил лишь по солнцу, принимал его свет и не выносил электрического. В крайнем случае он зажигал свечу или просто спичку.

И здесь Русинов услышал от Авеги вторую, после его деревянной ложки, просьбу:

– Принеси мне хлеб-соль.

Хлеб для Авеги выпекали специально пресный – круглые ржаные булки, ибо это была его основная пища. Русинов пошел на кухню, положил на поднос хлеб и, когда поставил сверху солонку, неожиданно понял символ этого древнего славянского подношения: хлеб означал землю, соль – солнце. Землю и солнце выносили дорогим гостям!

Сколько же тысячелетий было этому обычаю?!

Сочетание земли и солнца – АРА, и народы, почитавшие их, назывались ариями...

Вот почему пахать ниву – значит АРАТЬ. Так первоначально звучало это слово еще недавно, в литературе четырнадцатого века. АРАТЬ – добывать хлеб и соль, землю и солнце. Вот почему так неистребим этот обычай, хотя изначальный символ его давно забыт.

Но откуда у него, рожденного и воспитанного в христианском православном духе, образованного и просвещенного человека, эти знания и древняя вера – солнцепоклонничество – к-РА-молие? Причем не формальное, не от ума, а, судя по физическому состоянию перед затмением, глубоко и гармонично вписанное в его природу и существо?

Перед рассветом Авега немного оживился, но, истерзанный ночной болезнью, едва встал, чтобы встретить солнце. А через два с небольшим часа после рассвета началось затмение. Авега уже лежал пластом, держа у себя на груди хлеб-соль. Русинов тоже почувствовал недомогание, учащенно билось сердце, и появилось за грудиной жжение, обычное для ишемии. Кардиолог через каждые десять минут снимал кардиограмму – у Авеги, по сути, было предынфарктное состояние. Когда же черная тень целиком накрыла солнце и за окнами наступили прохладные сумерки, врач сделал Авеге укол.

– Надо отправлять в реанимацию, – сказал он Русинову. – Дело плохо.

– Отправляйте, – решил тот. – Я поеду с ним... У меня тоже сердце пошаливает...

Наблюдая за Авегой, он лишь изредка глядел на солнце и не заметил, когда тень переместилась и брызнули первые лучи. Пока врачи «скорой помощи» пробились через ворота Института, а затем в здание лаборатории, на небе уже сияла лучистая корона.

– Это не мой срок! – неожиданно крепким голосом сказал Авега и, срывая с себя провода датчиков, встал с хлебом и солью в руках.

Он торжествовал! Это мгновенное его исцеление повергло в шок сначала выдавшего виды кардиолога, затем и бригаду «скорой». Авега сам растворил окно и стоял в позе встречи солнца, радостно дыша полной грудью.

– Ура! – восклицал он. – Ура! У-ра!

С горем пополам его уговорили лечь, чтобы снять кардиограмму. Врачи таскали ленты по рукам, сверяли кривые, оставленные самописцами, и совершенно определенно ставили диагноз, что десять минут назад у этого человека были резкий и длительный спазм коронарных сосудов задней стенки сердца и нарушение кровоснабжения. Сейчас же кардиограф отбивал такт абсолютно здорового сердца, соответствующего спортсмену-марафонцу.

И Русинов почувствовал себя лучше, а свое недомогание отнес к переживанию за Авегу, никак не связывая сердечную боль с солнечным затмением...

Когда в квартире никого не осталось, Русинов спросил в упор:

– Ты – саура? Ты поклоняешься солнцу?

– Я – Авега, – с обычным достоинством ответил он. – Сауры живут на реке Ганга, а я лишь приношу им соль.

– Ты можешь объяснить, почему сейчас тебе было плохо?

– Я слепну, – признался он. – И потому затмение принял за свой срок. А это был не мой срок.

– Но ты каждый день молишься солнцу!

– А ты, Русин, разве не молишься солнцу?

– Нет!

– Неправда, – заметил Авега. – Все люди от рождения до смерти молятся солнцу. Веруют в своих богов, но почитают солнце. Каждый человек, увидевший утром солнце, обязательно радуется. И говорит: «Какое хорошее солнце! Как солнечно сегодня!» Это молитва солнцу. Ты никогда не говорил так?

– Говорил...

– Вот и я говорю: «Здравствуй, тресветлый!»

– А хлеб-соль? – нашелся Русинов. – Почему ты попросил?

– Я – Авега, – проговорил он. – Мне нельзя трогаться в путь без хлеба и соли.

– Ты собирался уйти?

– Да, – смутился Авега. – В последний путь... Да только это не мой срок!

В папке с делом Авеги хранилась копия протокола, где значилось, что при личном обыске в Таганрогском спецприемнике у него изъяты сухари и соль.

– Почему ты не ешь соль? – спросил Русинов.

– Я – Авега, – снова повторил он. – Мне можно не есть соли. Когда ты, Русин, станешь добывать ее, тоже не станешь есть.

– Соль – символ солнца?

– Да, – нехотя проронил он. – Потому люди стали есть соль. И не могут жить без нее, как без солнца.

– Значит, изначально горькая соль была священной?

Авега вскинул на него глаза и неожиданно заявил:

– Ты изгой, Русин. Мне нельзя с тобой говорить.

– Хорошо, – согласился Русинов. – Скажи мне только: зачем ты нес соль на реку Ганг?

– Сауры просили...

– У них что, нет соли?

– Есть, – вымолвил Авега. – Да им нужна священная соль.

– Где же ты берешь ее?

– В пещере... Не искушай рок, Русин! – вдруг жестко проговорил он. – Нас слышит Карна.

Русинову казалось: еще мгновение, еще несколько слов, оброненных Авегой, и откроется нечто недоступное разуму. И этот полубредовый разговор внезапно уложится в строгие рамки логики и истины. Однако, произнеся имя «Карна», «знающий пути» прочно умолк, и нельзя было больше терзать его вопросами. Если бы тогда знать, что Авега не единожды уже хаживал в Индию на реку Ганг и приносил туда священную соль! И что в судьбе его, а значит, и в этих таинственных походах принимал участие сам Неру! Ничего этого Русинов не знал и потому при всем своем расположении к Авеге не мог, не в состоянии был поверить ему. Из нагромождения нереальных, фантастических фактов он пытался выбрать рациональные зерна с той лишь целью, чтобы хоть как-то проникнуть в его непонятный мир и извлечь информацию, интересующую Институт. Бред сумасшедшего иногда бывает гениальным, но чтобы принять этот гений, следует самому сойти с ума. И потому Русинов, разговаривая с Авегой, всякий раз мысленно, на ходу рассортировывал все, что слышал, и отбирал факты для отчета, а многое, на его взгляд, неважное и сумбурное, отбрасывал. Это была своего рода неумышленная халтура. В какой-то степени она спасла Авегу от множества вопросов, когда спустя два года за него круто взялась Служба, а также не дала пищи для серьезных аналитических выводов, которые могли бы быть основаны на кажущемся фантастическом материале.

В восемьдесят третьем году Авегу неожиданно забрали из Института в ведение Службы. За два года Русинов уже успел забыть о несостоявшейся поездке в Индию, а точнее, о причинах невыдачи визы. Естественно, никто не знал, почему Служба забрала «источник», и считали, что она таким образом проявляет свой профессионализм и рвение, – дескать, Институт столько лет продержал человека у себя и получил мизерные результаты, а вот мы сейчас пока-

жем, как нужно работать. Авега не был ни арестованным, ни задержанным. Случай был по-своему уникальный, и его содержали скорее как предмет научного изучения, и это значительно лучше, чем психушка либо дом престарелых. Где бы еще так следили за его здоровьем, выполняли любое возможное желание и придумывали развлечения? Десятки раз он мог бы спокойно бежать, когда вдвоем с Русиновым они уезжали за сотни километров от Института – на родину Авеги в Воронеж, затем к сестре участника экспедиции Андрея Петухова в Новгород. Он же повиновался одному ему ведомой силе рока и не помышлял о побеге.

И тут произошло неожиданное: Русинов ощутил тоску по этому человеку, причем в первые месяцы такую, что все валилось из рук, будто после потери дорого, близкого родственника. Он и не заметил, как из «источника», из предмета для изучения Авега превратился для него в источник особого, достойного и мудрого отношения к миру, к собственной личности, к людям и обстоятельствам. Русинова вдруг поразила мысль, что он никогда в жизни не видел свободнее человека, чем спрятанный за колючую проволоку Авега. Для него как бы не существовали эти материальные преграды в виде заборов, часовых, негласной охраны, ибо он умел всецело распоряжаться собой, и никто не мог ограничить его воли. Только вольный человек способен источать спокойствие и добро и за много лет ни разу не изменить себе; только невероятной силы человеку возможно покоряться своему року и не дрогнуть под роковыми обстоятельствами.

Каждый день Русинов заходил в пустую квартиру или доставал из своего стола деревянную ложку с приспособлением для усов, найденную в первый день, когда Авегу увезла Служба, – все, что осталось от него. Несколько раз он ходил к руководству Института с требованием, чтобы вернули «источник», поскольку встало целое направление в проекте «Валькирия». Начальство лишь пожимало плечами и само терялось в догадках: на любые запросы Служба упорно отмачивалась.

Лишь через полгода стало известно, что Авега умер на второй день после усиленных допросов, а также то, что он не оставил на земле даже могилы, поскольку тело после смерти немедленно заморозили и отправили в клинику, изучающую вопросы долгожительства. И мертвый он продолжал оставаться предметом для изучения...

Служба затребовала в Институте все материалы, касающиеся Авеги, и, кроме того, всех, кто работал в контакте с ним, приглашали на беседы. Русинов выяснил, что смерть «знающего пути» наступила внезапно: утром встретил солнце в своей камере-одиночке, затем лег на пол головой на восток и, зажав в руке кусок хлеба со щепотью соли, скончался. Официальный диагноз гласил – острая сердечная недостаточность. Службу больше всего интересовал вопрос: с какой целью Авега проникал на территорию Индии?

Можно было ответить, что он приносил на реку Ганг священную соль, но в это вряд ли бы кто поверил...

После смерти Авеги внимание Русинова уже целиком было притянuto к Уралу. С того же восьмидесят третьего года в горах начали геофизические исследования с целью выявления неизвестных пещер, заброшенных соляных копей и русел подземных рек.

И с того же года Урал показал свои зубы. Люди больше не терялись, а попросту погибали. «Стоящий у солнца» не брал в плен...

Первым неожиданно и скоропостижно скончался «егерь» – здоровый, крепкий парень: слабых в Службу не принимали. Пришел от вечернего костра в свою палатку, а наутро его нашли мертвым, стоящим на четвереньках, и как Служба ни крутила, никакого криминала не обнаружила. У тридцатидвухлетнего «егеря» случился инфаркт, которым объяснилась и странная поза, и застывший на лице ужас. Буквально через месяц на другом участке Северного Урала, но опять в своей палатке, погиб еще один «егерь». Этот застрелился из своего служебного автомата. Дотошная проверка Службой обстоятельств смерти и причин самоубийства не подтвердила криминальной версии. «Егерь» оставил банальную записку, чтобы никого не

винили, и выстрелил себе в сердце. К нему вбежали почти сразу после выстрела, и ни в палатке, ни в окрестностях стана – месте открытом – никого не обнаружили, да и следственный эксперимент, баллистические исследования однозначно говорили, что «егерь» застрелился. Причина была: экспедиционная жизнь и долговременные командировки разрушили семью. Жена изменяла ему почти в открытую...

Тогда же Русинову пришла мысль, что Урал мстит за Авегу, причем только Службе. Однако осенью этого года погиб завхоз лаборатории по фамилии Заварушко – молодой, веселый парень, мечтавший в одиночку отыскать сокровища древних ариев. Для будущего сезона он развозил и устанавливал высоко в горах небольшие, облицованные алюминием вагончики. Вертолет оставлял его вместе с вагончиком всего на одну ночь. Заварушко с помощью домкрата выставлял балак и заготавливал дрова, чтобы успели просохнуть к лету. Так что времени на романтические поиски пещер, набитых золотом, у него практически не оставалось. Его нашли вертолетчики в трехстах метрах от вагончика. Он был убит зверски, похоже, остро заточенным колом. У Заварушко был служебный пистолет Стечкина – оружие серьезное и надежное, однако почему-то он им не воспользовался. И убийца не взял пистолет, что было очень странно. Вылетевшая в горы оперативная служба установила, что Заварушко забил лось – было как раз время гона. Смертельные удары в живот и грудь были нанесены передними копытами и рогами зверя, который во время своей свадьбы всякий движущийся предмет принимает за соперника...

Мысль о мщении за Авегу пришла в голову не одному Русинову. Вскоре институтский бард сочинил песню, где были слова:

По воле рока «егеря» стрелялись в сердце,
По воле рока – поединок Заварушко,
Не распахнет седой Урал пред нами дверцы,
А отомстит еще не раз – вот заварушка!
Три жизни – за Авегу!
Таков сегодня счет,
И я подобно снегу
Под солнечным лучом...

На следующий год в состав экспедиции включили профессионального врача, снабдили медикаментами на все случаи жизни, запретили жить в палатках поодиночке и рекомендовали не любоваться на диких зверей, как было обычно, а отстреливать в целях самозащиты. Да знать бы, где упасть! Гибель очередного «егеря» произошла буквально на глазах. Сотрудники Института делали сейсморазведку, а охранник, чтобы видеть подальше, забрался повыше и сел на камень возле высокого останца. Конечно, он скучал от безделья и поэтому расслабился на жаре. Кто-то из геофизиков заметил пыль на скале и крикнул «егерю»: «Бойся!» И если бы не крикнул, может, и не случилось трагедии. «Егерь» метнулся в сторону и точно угодил под небольшой камень, сорвавшийся с вершины останца. Когда люди подбежали, он был мертв. Русинов в тот же момент лично обследовал останец: наверху никого не было и быть не могло, вокруг – тоже...

А спустя неделю на этой скале появился знакомый таинственный знак – вертикальная линия с четырьмя точками с левой стороны. Русинов немедленно вызвал вертолет и облетел все места, где в прошлом году погибли люди: знак стоял везде, и теперь было точно известно, что точки с левой стороны означали смерть, а с правой – жизнь. На камне, где должны были встретиться Инга Чурбанова и Данила-мастер, стоял знак жизни...

Самое же главное, эти меты подтверждали давнее подозрение Русинова, что каждый шаг пришлых людей на Урале кем-то незримо контролируется, причем с конспирацией, которой может позавидовать любая Служба мира.

И поэтому он не верил, что все встречные-поперечные здесь люди случайные, повсюду усматривал волю рока. То, что ночью он узнал в госте пчеловода исчезнувшего еще в семьдесят восьмом году разведчика Виталия Раздрогоина, хоть и поразило его, однако еще больше утвердило в мысли, что ничего здесь не происходит по случайному стечению обстоятельств. И пасека эта с хозяином-артистом встала на пути из-за того, что потребовался свинец. Оказавшись здесь, Русинов попал если не в «десятку», то по крайней мере был близок к цели: иначе бы судьба не явила ему ни «пермяка», встречающего солнце, ни Раздрогоина, перед которым, похоже, заискивал провинившийся Петр Григорьевич.

Эту ночь Русинов так и провел в размышлениях, хотя делал вид, что спит: пасечник больше не ложился и еще до рассвета начал что-то мастерить на дворе. Дождавшись в постели восхода солнца, Русинов встал, оделся и, позевывая, вышел к Петру Григорьевичу. Тот прилаживал к топчану какие-то блоки на кронштейнах с тонкими тросиками и кольцами.

– Что это за хреновина? – поинтересовался Русинов.

– А это, рыбачок, такое приспособление, чтобы суставы у человека растягивать, – объяснил пчеловод. – «Голгофа» называется... Ну, ты сегодня опять на осмотр местности или хариуса ловить?

– Кто клонет, того и поймаю! – засмеялся Русинов. – Хорошо бы лещка выцепить или тайменя!

– У тебя удочка-то магнитная, может, и выцепишь, – многозначительно заметил пасечник. – На обед-то приходи, нечего голодным по лесам шастать.

После завтрака Русинов собрал рюкзак с рыбачьими принадлежностями, прихватил с собой радиомаяк – пусть лока-торщики Службы немного поработают – и отправился на речку. Русло было глубоко врезано в моренные отложения, но значительный уклон местности делал его прямым, с редкими и плавными изгибами, поэтому берега давно осыпались, выположились и поросли ольхой. Весенний паводок делал речку шире раза в четыре, и сейчас, в межень, она лежала среди огромных валунов мелкая и плоская, будто рваное холщовое полотнище. Русинов прошел весь ее отрезок, укладывавшийся в пространство «перекрестка»: чистых обнажений морены не было, да и быть не могло. Следовало сделать расчистку берега от семи до пяти метров в высоту, а это добрый десяток кубометров песчано-гравийной смеси. Он облюбовал самое удобное место – у заповедного рыбного плеса, где берег был круче и наверху краснел кусочек старого, не тронутого лесорубами бора. Напрямую до центра «перекрестка» отсюда метров триста. Единственным неудобством было то, что работать придется на глазах всякого, кто вздумает здесь порыбачить. На этот случай Русинов намеревался воспользоваться рыбацким законом: плес – прикормленное место, и потому можно попросить всех «халявщиков» убраться подальше. Но при этом никак нельзя было избавиться от глаз Петра Григорьевича. Уж он-то обязательно заглянет попроведать рыбака, и ему не скажешь, что копаешь червей для наживки...

Грунт оказался довольно рыхлым, однако саперной лопаткой делать тут было нечего. Русинов сделал разметку и в оставшееся до обеда время решил порыбачить. Он покидал спиннинг с самодельной мышью под бурлящие камни у горловины омута, где обычно стоят леньки и таймени, затем перецепил блесну – безрезультатно. Кажется, заповедный плес был пуст, либо и тут у пчеловода были свои секреты. Русинов перебрался на другой берег, вышел на тропу и сквозь деревья заметил на дороге громыхающий лесовоз. Он успел проскочить на пасеку, видимо, утром, когда Русинов обследовал берега и из-за шума реки не слышал. Теперь он мчался в обратном направлении, и шофер, судя по скорости, готов был свернуть горы. Нет, ни один человек тут не был случайным! Каждый выполнял какую-то свою функцию, возможно,

не подозревая о всем процессе в целом. После прошлой ночи Русинов уже был уверен, что попал на пасеку по чьей-то воле. Кто-то невидимый пожелал, чтобы «рыбак-отпускник» оказался под покровительством Петра Григорьевича, и шофер лесовоза не случайно несколько раз упомянул о пасеке, будто подталкивая Русинова сюда. А пчеловод, этот актер, философ и бард, наверняка знал, кого пригрел. Русинов доставлял ему неудобство, а если вспомнить вчерашнюю встречу его с Раздвогиным, то и вовсе тяжкие хлопоты. Однако Петр Григорьевич даже виду не показал, и это его терпение значило очень многое. Кто-то вел с Русиновым игру, контролировал всякий его шаг, держал под надзором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.